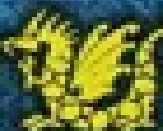


МАГИЯ  ФЭНТЕЗИ

Елена МАЛИНОВСКАЯ



ТАНЕЦ НАД БЕЗДНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КИМПА

Annotation

Невообразимо далеко, на задворках могущественной Империи, в безбрежных далях обычно ласкового океана притаился маленький архипелаг под названием Лазурь. Испокон веков здесь текла спокойная мирная жизнь со своими радостями и хлопотами. Но однажды произошло чудо. Лишь на одну ночь в небесах вспыхнула багровая звезда, вспыхнула, чтобы навсегда отразиться в глазах новорожденной девочки. Отныне ребенку, убившему мать при рождении, придется жить под знаменем проклятия. В мире, где за каждым шагом наблюдают безжалостные Боги. Где жизнь и смерть сплетаются воедино в тугом узле предопределенности. Где малейший неверный поступок может привести к гибели. Где партнером в танце над бездной будет сама Судьба.

Елена Малиновская

Танец над бездной

Двое сражались. Без устали, яростно, один на один. Поединок начался еще на закате, а сейчас первые звезды уже робко выглядывали в просветы меж быстро темнеющих туч.

На каменистом утесе одному-то тяжело развернуться. Единственный неверный шаг приведет к гибели, к короткому, мучительно-прекрасному мигу полета. Только повернись не так, только ослабь контроль, как неприятель столкнет тебя в пропасть.

Страшно, и отступить бы от намеченного, но нельзя. Этот бой обязан закончиться смертью. Неважно чьей. Не враги столкнулись в кровавой схватке — друзья. И от этого еще страшнее. Ведь каждый уверен, что именно он прав. Кажется, что бой будет длиться вечность. Равны силы.

Но вот расклад битвы изменился. Один из сражающихся пропустил удар. Глухо звякнув, отлетел далеко в сторону меч, а сам он забалансировал на краю бездны.

— Отступись, — прошелестел голос бывшего друга. — И я сохраню тебе жизнь.

Гордо усмехнулся мужчина, с презрением посмотрел на врага:

— Никогда. Уж лучше смерть.

— Мне жаль, но ты сам выбрал свою Судьбу.

Отвел неприятель руку для последнего удара. Проигравший горько скривил губы и шепнул пару фраз, от которых дрогнули пальцы, сжимающие рукоять клинка.

— Я вернусь, — повторил мужчина и кинулся с обрыва, не давая убить себя.

За многовековую историю Боги впервые с интересом посмотрели вниз.

Говорят, когда умирает человек — на небосводе рождается звезда. Кто знает, правда ли это или досужие вымыслы. Но колдуны клянутся, что в ту ночь на небесах не появилось ни одной новой звезды. Лишь чуть дрогнул, изменяясь, рисунок созвездий, предвещая скорый финал целой эпохи.

Впрочем, разве можно верить предсказаниям звездочетов? Уж слишком часто они ошибаются.

Часть первая

Лазурь

Старая колдунья не находила себе места от беспокойства. Приближалось ее самое нелюбимое время суток. С недавних пор женщину стал страшить приход ночи — изначальной прародительницы созданий мрака. Каждое утро она просыпалась с чувством благодарности перед кем-то или чем-то, вновь избавившим ее от неведомой опасности.

На этот раз дурное предчувствие застало колдунью врасплох уже в середине дня. Солнце пылало в зените. В глубокой синеве небес — ни облачка. Маленький архипелаг, затерянный в бесконечных даях обычно ласкового океана, будто съежился от едва ощутимой опасности, разлитой над миром чьей-то щедрой рукой.

Жара. Ни малейшего ветерка, несущего прохладу.

В неподвижном сонном воздухе, напоенном тяжелым, дурманящим голову запахом сон-травы, тонули любые звуки. Люди, казалось, плыли в мареве полуденного солнца, особенно жестоком сегодня к жителям крохотного селения, ловко примостившегося меж двух холмов у побережья. Густая тень леса не давала успокоения и отдыха. Даже сумрак тенистой рощи красногольника еще сильнее раздражал измученные блеском волн и бесконечной синевой небес глаза. Куда-то исчезли бурундуки и белки, которые в изобилии водились в здешних девственно-диких местах и безбоязненно подпускали к себе островитян. Смолкло пение птиц, лишь изредка какая-то пичуга жалобно и пронзительно вскрикивала, будто пытается пробудиться от кошмара, — и вновь звенящая, пугающая своей безысходностью тишина.

Колдунья недоуменно покачала головой. За всю свою более чем вековую память она впервые встречала такой день. В древних летописях, которые посчастливилось ей когда-то в ранней юности, будучи ученицей, прочесть, проскальзывали робкие осторожные намеки на странные часы, когда весь мир замирал в ожидании, готовясь то ли к гибели, то ли к триумфу. Но что могло произойти здесь — в глухой провинции, находящейся вдали не то чтобы от важных, но вообще от любых торговых путей. Крохотный клочок суши среди десятка себе подобных. Иной раз плач младенца спокойно кочевал тихой безлунной ночью по всем двенадцати островам архипелага, заставляя матерей испуганно склоняться над детскими люльками. У здешних островов даже не было отдельных названий. Их объединяли в единое целое под излишне-романтическим названием «Лазурь».

«Дети солнца и океана» — так гордо именовали себя островитяне. И действительно, вряд ли жители какого другого уголка империи могли похвастаться столь схожей внешностью. Светлые волосы, впитавшие в себя всю щедрость светила и золото песчаных отмелей. Голубые глаза, соперничающие по отливу с бездонной пустыней неба и воды. Правда, это единообразие перемежалось зеленью лесов, проскальзывающей в очах некоторых островитян. Благословенный уголок спокойствия и благополучия, который обходили далеко стороной штормы и грозы. Весь мир мог бы рухнуть в одночасье, но вряд ли бы столь страшная катастрофа изменила ровное течение времени здесь.

Хотя, помимо прочих мелких семейных, был один праздник, отмечаемый дружно и всем архипелагом. В дни равноденствий, когда солнце светило чуть мягче, чем в остальные месяцы года, а сердце будоражил крик перелетных птиц, тянувшихся бесчисленными косяками, проводился ритуал принятия имени. Вся молодежь Лазури, достигшая двенадцати

лет, стогнялась в ручей, широким бурным потоком пересекающий самый большой из островов. И в полночь, когда звезды перемигивались особенно загадочно, а призрачный свет луны рождал на воде причудливый танец бликов, дети по очереди переплывали речку. Стоит ли говорить, что здесь любой ребенок учился плавать прежде, чем ходить или говорить, а потому против подобного испытания не возражали даже самые заботливые родители. На берегу их уже поджидала колдунья, которая, постукивая веточкой серебрянки по плечам новоназванного, тихо шептала ему пару слов на ухо. Посредством церемонии дети заслуживали право считаться полноправными взрослыми. И так было испокон веков.

Единственной тоненькой ниточкой, связывающей архипелаг с цивилизацией, оставался торговый корабль, пристававший к острову колдуны, как наиболее крупному, раз в полгода. Жители продавали на далекий таинственный материк фрукты и рыбу, в изобилии населявшую прибрежные воды, взамен получая сталь для кухонной утвари и прочие полезные и не очень вещи. Но главным, самым ходким товаром во все времена оставались новости. Жители Лазури жадно, словно губка воду, впитывали отрывочные, подчас противоречивые сведения о жизни отдаленных, окутанных дымкой загадок и недомолвок, земель, в существование которых отказывались верить старики. А молодежь, затаив дыхание, внимала рассказам о славных битвах и чудных созданиях, тревожащих границы их государства. Дети вооружались деревянными мечами — пожалуй, самым грозным оружием на островах, и их громкие, дурашливые крики сотрясали полуденную тишь лесов. Взрослые укоризненно качали головами, но не вмешивались в их забавы, когда-то столь же любезные их собственным сердцам.

Корабль не отчаливал от Лазури, пока команда тщательно не прочесывала все судно, заглядывая в самые темные и укромные уголки ветхого сооружения. Слишком много неокрепших умов, падких на воображаемые приключения, тревожил их отъезд. И не было еще такого случая, чтобы моряки не снимали с корабля пары-тройки неожиданных попутчиков. Родители только снисходительно и стыдливо усмехались, отводя глаза в сторону. Как им было объяснить мальчишкам, грезившим во сне и наяву о подвигах и чудовищах, что не все рождены героями, что их участь — жить в тени великой империи и быть ее основой. Да что там говорить: когда-то они сами были пылкими восторженными детьми и тоже делали попытки сбежать с опостылевшего острова, на котором из всех достопримечательностей оставались только старая колдунья да дерево, сожженное ударом молнии в незапамятные времена.

Нет, острова не считались темницей, из которой невозможно вырваться. Некоторые смельчаки, возмужав и не охладев к зову дороги, покидали родину и устремлялись навстречу опасностям. Они пропадали, но чаще всего ненадолго. Через год-два, с поникшей головой и опустевшими карманами, странники возвращались домой, не выдержав бешеного ритма жизни в больших городах среди безразличных чужих людей. И родина принимала их с распростертыми объятиями, ни в чем не упрекая и не кляня. Родители специально приводили детей к путешественникам послушать об ужасах и несправедливостях материка. Кого-то эти встречи останавливали, но некоторые непокорные, презрев советы и напутствия, все же вырывались из-под ласковой опеки родины и повторяли бесславный путь предшественников. Единицам удавалось закрепиться на большой земле, и тогда их почитали наряду с героями сказок и легенд. Только уже давненько не пополнялось число счастливых...

Чужаков на островах не было. Лишь не так давно — лет пять назад — Лазурь

потревожил приезд молодой пары, прибывшей откуда-то с юга. Архипелаг встревоженно гудел целый месяц, на все лады обсуждая новых соседей. Но вскоре тема для разговоров была исчерпана, и жизнь опять потекла по своему обычному руслу, тем более что эта семья ничем не выделялась среди исконных жителей островов. Женщина была хороша собой и молода, приветлива со всеми и говорлива. Она практически ничем не отличалась от островитянок. Высокого роста, худощавая, с огромными лучезарными глазами, длинными белокурыми волосами и кожей, позолоченной лаской солнца. Муж был похож на нее внешностью, но с совершенно другим характером. Его неразговорчивость раздражала многих кумушек, жадных до сплетен. Однако ради Эльзы, а именно так звали супругу чужака, ему прощали молчаливость. Молодая женщина легко завоевала сердца соседей легким веселым нравом, бескорыстной готовностью в любой момент прийти на помощь и любовью к детям. Малышей не чурался и ее муж, проводя с ними короткие летние ночи на пороге своего дома и рассказывая волшебные сказки.

Островитяне часто пытались выведать у Эльзы историю их семьи, узнать хоть что-то о прошлом пары, но, едва речь заходила об этом, как неизменно позади супруги возникала фигура Элдрижа, и смущенные соседи поспешно ретировались. Наконец все сошлись на мнении, что, вероятнее всего, чужакам пришлось бежать от строгих родителей, выступавших против подобного брака. Ничего иного неискушенные в жизненных интригах островитяне придумать просто не могли. Единым было и их суждение о супругах: «Конечно, Элдриж себе на уме, — рассуждали они. — Но раз его выбрала такая милая девушка, как Эльза, то на это есть веские причины, которых мы можем просто не знать». На том и успокоились, приняв семейную пару в свою жизнь как нечто само собой разумеющееся.

Лазурь привыкла жить душой нараспашку, поэтому все с радостью узнали, что после стольких лет бесплодных ожиданий у Эльзы появится ребенок. Беременность протекала на удивление легко. Женщина все это время не ходила, а будто летала, заглядывая в лицо каждому встречному счастливыми, полными осознания своего превосходства и любви, глазами. Даже муж оттаял на время, с улыбкой следя за нею. Он окружил жену такой заботой и обожанием, что заставил жителей Лазури пожалеть о резкости первого суждения о нем.

Колдунья вдруг отчетливо вспомнила тот погожий вечер, когда ее впервые кольнула игла дурного предчувствия.

Океан лениво лизал песчаную отмель, лапаясь к босым ногам одинокой женщины. Эльза сидела на берегу совсем одна, зябко кутаясь в большую теплую шаль, и отрешенно смотрела вдаль. Колдунью тогда поразил именно ее взгляд, а не странный для теплой погоды наряд. Солнце уже садилось, омывая свои уставшие лучи в темнеющих водах. Розовый оттенок заката рождал на щеках женщины нездоровый румянец, неровными пятнами ложась на пальцы, бережно переплетенные над заметно округлившимся животиком. Эльза сама заговорила с колдуньей, узнав о ее приближении каким-то шестым чувством.

— Как ты думаешь, — мелодично пропел ее голос. — Мой ребенок будет счастлив?

— Глупый вопрос, — ответила старая женщина, осторожно присев рядом и пытливо взглянув на тонкий гордый профиль будущей матери. — С такими родителями, да в месте, подобном Лазури, трудно оставаться несчастным.

— Не знаю. — Эльза вдруг с неожиданной мрачной силой сжала кулаки. — Мне снятся кошмары, колдунья. Каждую ночь кто-то пытается проникнуть в меня, завладеть моим ребенком, украсть его душу. Я боюсь, я очень боюсь. Ведь это мое дитя, я никому, слышишь? НИКОМУ! Не позволю причинить ему вред.

— Не волнуйся, — ведьма осторожно положила свою исковерканную старостью руку, больше схожую с птичьей лапкой, на плечо женщины. — Случись что неладное — я бы обязательно ощутила непорядок.

— А если это — нечто, что превосходит все твои представления о волшебстве, все, что ты только можешь вообразить? — порывисто обернулась к ней Эльза. — Сила, способная разрушить мир, пошевелив лишь мизинцем?

— Зачем ей тогда твой ребенок? — мягко усмехнулась колдунья и снисходительно потрепала будущую мать по плечу. — А что говорит Элдриж о твоих снах?

— Он смеется надо мной, — мгновенно погрузилась Эльза и опустила голову. — Говорит, что я наслушалась семейных легенд.

— Семейных легенд? — удивленно переспросила колдунья, решив, что ослышалась.

— Неважно, — отмахнулась женщина от ее вопроса. — Может, я и впрямь слишком впечатлительная... Но вот что, обещаю тебе одну вещь.

— Все, что пожелаешь.

— Обещаю тебе, — возбужденно зашептала Эльза, хватая колдунью за край ветхого платья. — Обещаю, что если случится что-нибудь ужасное, то позаботишься о моем ребенке.

— Мы все будем опекать его, — нежно улыбнулась та, пытаясь успокоить встревоженную женщину. — И ты вместе с нами.

— Слушай дальше, — перебила ее Эльза и невидяще уставилась на горизонт, пытаясь скрыть блеснувшие на миг слезы. — Когда на острове не останется никого родного для него, да не услышь Судьба моих слов, ты поймаешь белую чайку, они в изобилии на соседнем острове, капнешь ей на грудку крови ребенка, только самую малость, и отпустишь, прикрепив на лапку записку со словами: «Приезжай. Случилась беда». Птица сама найдет верный путь.

— Я сделаю все, как ты сказала, — заверила колдунья и недоверчиво покачала головой. — Но только думаю, что ты волнуешься напрасно. Ты с Элдрижем проживешь долгую счастливую жизнь и воспитаешь еще не одного ребенка.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты оказалась права, — ответила ей собеседница и горестно вздохнула. — Как бы мне этого хотелось.

Вот тогда-то колдунья впервые почувствовала надвигающуюся неотвратимую опасность. С той поры каждую ночь повторялось наваждение. Оно лишь усиливалось с течением времени, становясь все более пугающим. Изменилась и Эльза. В ее глазах росла тревога, сумрачной тенью отражаясь в зрачках. Женщина осунулась, утих ее голос, ранее оживлявший гостеприимный дом. Отныне Эльза или совсем молчала, или предпочитала разговаривать шепотом. Соседи недоуменно качали головами, не в силах разгадать тайну ее преобразования. Терялась в догадках и колдунья, вопрошая подвластные ей силы и не получая ответа. Будто магия объявила Лазурь запретной зоной, где больше нет места волшебству. Но это в лучшем случае. А вдруг грядет буря? И какой силы должна она быть после столь длительного затишья?

Колдунья коротала свой вечер в привычном одиночестве. За рассуждениями незаметно промелькнул день, и вот уже ночь расправила плащ, расшитый блестками звезд, над Лазурью. Луна, словно лукавый глаз шаловливой девчонки, задорно подмигивала с небесной высоты, а колдунья все думала и думала. Сон бежал не только от ее постели. Все население поселка, томимое неясным предчувствием, расположилось на порогах темных домов, напряженно глядя вверх. Ведьма могла бы поклясться, что на остальных островах царит

похожая картина. Лишь ветер беспрепятственно гулял по Лазури, тревожа волосы людей и заигрывая с волной. Мир словно застыл в ожидании чего-то. И это что-то пришло.

Прямо над головами собравшихся распускался красный лепесток новой звезды. Она взошла из-за горизонта, взошла сама по себе — и медленно, но верно заняла место прямо в зените, затмив своим блеском остальные украшения летней ночи. Даже луна поблекла под напором незваной гостьи. По поселку пробежал вздох удивления. Вздохнула и колдунья, — но от облегчения. С каким-то непонятным удовлетворением ведьма отыскала на небе другую звездочку. Та не претендовала на роль самой яркой жемчужины небес, но в то же время не спасовала перед непонятным рубином тьмы. Ее свет, не сильный и не тусклый, ровно освещал лица людей, на какой-то миг даже затмив кровавый отблеск. По рядам зрителей прошелестел второй вздох восхищения, когда две звезды начали двигаться навстречу друг другу, кружась в прекрасном танце извечного единения. Старая колдунья с замиранием сердца следила, как они сближаются: незнакомка из неведомого пламени будто пыталась уничтожить непокорную звездочку. Ведьма так увлеклась этим зрелищем, что не сразу заметила ребенка, который сломя голову мчался к ее дому.

— Простите, ваша милость. — Мальчик лет десяти, запыхавшись, начал кричать еще издали, вспугнув своим голосом тишину небесного спектакля. — Но госпожа Эльза...

— Что с ней? — воскликнули разом сразу несколько встревоженных голосов. — Она рождает?

— Боюсь, она умирает, — тихо промолвил ребенок, потупившись.

— Не может быть, — спохватилась колдунья после секундного замешательства.

Она бросилась за мальчиком со всей скоростью, на которую были способны ее старые ноги. Бежала, ощущая, как семимильными шагами приближается беда, как оживает поселок, заполняясь встревоженными людьми. Дорогу ей освещала странная звезда, уже почти победившая гордую противницу, почти поглотившая ее. Она мчалась, понимая, что не успеет прийти на помощь, что само время против.

Колдунья опоздала самую малость. Когда она ворвалась в дом, освещенный светом множества свечей, тело Эльзы еще жило, но душа ее уже отлетала. В распахнутую дверь вслед за ведьмой ворвался торжествующий огонь пламенеющей звезды, почти затмившей свою партнершу по танцу. Эдриж, каменным изваянием застывший у постели жены, покачнулся, схватившись за сердце, при виде взбесившихся небес. Его губы прошептали только: «Цвет проклятия», — и он рухнул без чувств. В тот же миг звезда окончательно победила скромную соперницу. Небеса будто раскололись, изливая на головы людей бесконечную реку кровавого огня. Пламя отразилось в мертвых, безразличных глазах Эльзы и переметнулось к темным, внимательным и спокойным очам ребенка, лежавшего рядом, не подавая признаков жизни. Звезда ярко вспыхнула, заиграв всеми гранями проклятого алмаза, и взорвалась, обдав Лазурь каскадом темно-багровых брызг, осветив на много миль вокруг океан. Капля этого небесного света заиграла и в зрачках ребенка, навсегда затаившись в них кровавым отблеском. Тихую ночь прорезал жалобный плач новорожденной девочки. Все стихло.

* * *

Острова долго бурлили. Бывшие еще недавно радушными и милыми, соседи отвернулись

от понесшей тяжелую утрату семьи. Элдрижу разом припомнили все его, даже малейшие, прегрешения. Страшным проступком стало казаться и то, как легко чужаки вошли в их жизнь, став друзьями почти всех жителей Лазури. Его не побоялись обвинить даже в смерти жены, по какой-то дикой логической цепочке придя к выводу, что он заключил сделку с Младшими Богами и принес им в жертву супругу. Ребенок же, погубивший мать своим рождением, — порождение мрака, и потому небеса так противились его появлению на свет. По странному стечению обстоятельств самой Эльзы не коснулось ни одно из этих жутких обвинений. Островитяне к ней мертвой чувствовали больше почтения, чем к живой, словно ощущая за собой смутную вину за случившееся. Так или иначе, но к памяти безвременно почившей хранили уважение и светлую печаль, обрушив всю силу неприязни на чужака и его выродка.

А Элдриж тем временем будто и не замечал ненависти, льющей на него со всех сторон. Он так же почтительно здоровался со всеми соседями, не желая слышать злобных, наполненных ядом и желчью слов. Правда, островитяне опасались говорить свое мнение прямо в лицо Элдрижу, но колкость, брошенная вдогонку, ранит тысячекратно больше, чем высказанная открыто и прямо. Чужака пытались изгнать из Лазури, действуя подло и тихо. Конечно, жители Лазури не прибегли к самосуду, побоявшись, вероятно, мнимого могущества новоявленного черного мага и недовольства старой колдуньи, смело и твердо поддерживавшей несчастную семью. Но с имуществом вдовца начали происходить необъяснимые вещи. То его лодка в шторм, хоть редко, но все же случавшийся у побережья островов, оказывалась отвязанной чьей-то заботливой рукой от пристани, а сети — в клочья изорванными острым предметом, более всего напоминавшим любовно заточенный нож. Иногда и скудные посева, призванные прокормить мужчину и ребенка, под корень вытаптывались чьими-то ногами. В ответ на гневные вопросы колдуньи островитяне лишь недоуменно пожимали плечами, а в самых очевидных случаях неохотно, сквозь зубы бурчали: «Не жить им здесь. Сама Лазурь против». Колдунья бесновалась, пытаясь зажечь хоть искру сочувствия в каменных, бесчувственных сердцах людей, но все напрасно. Отчаянные и пламенные призывы ее разбивались о стену холодного отчуждения. Старуха не хотела и не могла узнать в этих тупоголовых, суеверных, безумно опасных в своей глупости и жестоких исподтишка людишках столь горячо любимых ею когда-то милых и приветливых, чутких к чужой беде земляков. На месте Элдрижа она давным-давно уехала бы с девочкой из этого проклятого судьбой места и напоследок, если чужак действительно обладал хоть толикой древнего истинного искусства магии, испепелила навеки Лазурь. А что еще заслуживают черствые, как прошлогодняя корка хлеба, души, не способные к обычной жалости и сочувствию?

Но Элдриж замкнулся в плотном коконе равнодушия и безразличия. Его интерес к жизни умер вместе с Эльзой. Нет, мужчина не пытался покончить с собой, боясь, видимо, после такого поступка быть наказанным еще сильнее и не увидеться с возлюбленной и в последующей жизни. Он так же ходил, ел и пил — очевидно, делая это больше по привычке, чем действительно из чувства голода или жажды. Вряд ли несчастный был способен понять, что он ест, — настолько безразлично поглощал он самые разнообразные продукты. В его глазах жила такая безысходная тоска, такая обреченность и невыплаканное горе, что людям, при всей неприязни к нему, становилось страшно при виде этой скорби. Нет, мужчина не плакал. Никто ни разу за время ритуала погребения или после него не заметил и слезинки на щеке вдовца или в уголках век. Просто душа Элдрижа отлетела вослед за Эльзой, по какому-

то печальному недоразумению оставив тело дожидать свой краткий срок на земле.

Колдунья с горечью замечала, что к дочери чужак также не испытывает не только отцовской нежности, но даже толики жалости. Он не то чтобы не любил ее — Эдриж просто не замечал девочки, относясь к воспитанию ребенка как к тяжелой ежедневной работе, необходимой и лишь потому выполняемой. Дочка не доставляла ему особых хлопот, будучи спокойной и некрикливой по натуре, но любые живые существа, особенно дети, нуждаются в заботе и внимании. У колдуньи сердце разрывалось от грусти, когда она слышала пустые и холодные слова отца, обращенные к ребенку, односложные и оттого еще более пугающие своим ледяным безразличием: «Нет, нельзя, ешь, спи». И ничего более, ни намека на чувство. Если ребенок проказничал — отец пожимал плечами и запирали его в комнате, если девочка капризничала — ее оставляли в покое. Отец даже не дал ей мирского имени, как было принято в других семьях. Для него дочь навсегда осталась «Эй ты».

Колдунья пыталась поговорить с ним, вразумить хоть как-то, объяснить, что несчастное дитя никак не виновато в произошедшем, что, как бы ни страдал Эдриж, девочке приходится намного хуже. Ведь если отец ее — взрослый мужчина и может постоять за себя хоть не делом, так словом, то дочь навеки обречена с самого рождения на полное одиночество. Если даже родной человек не верит в то, что ребенок невиновен в смерти матери, — что уж говорить об остальных. Девочка вынуждена будет жить в изоляции от сверстников, с тягостным чувством вины за случившееся и смутным сомнением: а вдруг она и впрямь выродок мрака...

Но Эдриж лишь отмахивался от надоедливых нравоучений колдуньи. А когда старуха слишком неосторожно затрагивала его кровоточащую рану потери, сухо и страшно отвечал:

— Ее вина — в ее рождение.

И совсем редко, в самых исключительных случаях добавлял совсем непонятное:

— Проклятие рода — красные глаза.

Внешность девочки и впрямь была чересчур примечательной для жителей островов. Как будто небу мало было горя, обрушившегося на семью, оно еще и наделило ребенка столь пугающим обликом, непохожим даже на родителей. Иссиня-черные непокорные вьющиеся волосы не привлекли бы лишнего внимания вкупе с нежным овалом личика ребенка, какой-то беззащитной линией подбородка и трогательными ямочками на еще пухлых щечках, если бы не одно «но». А «но» было существенным: глаза ребенка. Такого цвета глаз колдунья не видела за свою более чем вековую жизнь, а повидала она в свое время немало. В спокойном настроении девочка взирала на мир огромными бездонными черными очами. Но в гневе или в состоянии раздражения они вспыхивали у нее красным огнем, словно проклятая звезда — свидетельница ее рождения — навеки затаилась в глубине зрачков. Даже колдунья, не верящая в слухи о черном колдовстве, сама чуть не отдала Судьбе душу, когда однажды увидела ребенка ночью. Девочка была одна на побережье, где предпочитала проводить все свободное время, вдали от досужих взглядов, сплетен, домыслов да так и не ставшего родным отца. Эдриж никогда не волновался о ней, его дочь могла и заночевать на побережье океана, волны которого тихо бились о песчаные отмели острова, что, впрочем, она часто и делала. Жители Лазури не общались с «исчадием зла», видимо, опасаясь сглаза. И в ту ночь ведьма поняла почему.

Колдунья медленно, мучительно шаркая своими скрученными старостью ногами, приближалась к маленькой фигурке ребенка, удобно уместившейся на самом краешке истесанного морской стихией валуна. Море пробовало на вкус ноги ребенка, отражая в своей

глубине искры небесного огня, и теплый ветерок лениво играл с непослушными локонами девочки. У ведьмы защемило сердце от жалости. Ей вдруг ясно представилась картина почти одиннадцатилетней давности. Тогда на небе царило солнце, но от Эльзы веяло такой же опустошенностью, как сейчас от ее дочери. Колдунья, помнится, посмеялась тревогам чужачки, да вот чем все обернулось. Теперь дитя Эльзы — круглая сирота при еще живом отце, когда душа матери давно успокоилась в призрачной обители Богов. Колдунье до спазма в горле захотелось приласкать ребенка, прижать его к себе, отогреть от злобы и ненависти мира. Она совсем уже собралась положить руку на плечо девочки, как та обернулась и взглянула прямо в сердце старухи черными провалами глазниц. Старуха отшатнулась.

— Не стоит меня жалеть, — сказала девчушка спустя, казалось, целую вечность, опуская голову вниз и освобождая разум старой колдуньи от сомкнутых тисков.

— Я не жалею тебя, — солгала ведьма и грузно опустилась на камень подле девочки.

— Вы врете, — констатировала та, грустно улыбнувшись. — Но я не осуждаю вас. Вы единственная на этих островах, кто хоть не ненавидит меня. И на том спасибо.

— Ну что ты, — попыталась неловко отшутиться старуха, в очередной раз подивившись не по годам взрослым речам ребенка. — А как же твой отец? Он ведь любит тебя, просто... Элдриж не такой человек, чтобы проявлять свои чувства.

— Я для него — причина смерти жены, — печально возразила девочка, пряча под ресницами внезапно блеснувшие в свете луны слезинки. — И даже внешность моя не напоминает ему о ней. Ну почему, почему я так непохожа на родителей?

— Дети могут быть вылитыми копиями бабушек и дедушек, — мягко ответила старуха. — Подумай. Тебе десять лет. Жизнь не тянется вечно черной полосой. Через два года ты примешь имя, и, возможно, все изменится.

— Скорее небо рухнет на землю, — грубо оборвала ее девочка, — чем островитяне изменят ко мне свое отношение. Для них я навечно — создание мрака, выродок, недостойный жить.

— Не стоит так категорично судить обо всех, — сказала колдунья и чуть не зашипела от ужаса, когда ребенок неожиданно повернулся к ней и чересчур сильно для своего возраста схватил за руки.

Рассудок старухи наполнился тягучим страхом и предчувствием неотвратимого, когда она вблизи заглянула в вечную темень глаз девочки, оказавшихся неожиданно близко от ее лица. С покорностью птицы перед змеей, чувствуя, как цепенеет разум от ощущения бродящей рядом смерти, колдунья наблюдала за пляской красных точек в глазах ребенка, словно в непроглядной ночи вспыхивали угли недогоревшего костра.

Все кончилось так же резко, как и началось. Ведьма мотнула головой, отгоняя наваждение, и обнаружила, что девочка уже давно стоит шагах в пяти от нее и внимательно наблюдает за реакцией старой женщины.

— Вы тоже меня боитесь, — отметил ребенок и понурился плечи зашагал прочь, по направлению к поселку. Лишь ветер, придя старухе на помощь, донес обрывок фразы, оброненной девочкой: — Все меня боятся... Но я же не виновата в том, что на вас не похожа.

Столько горя было в ее голосе, столько бесслезного крика отчаяния почудилось колдунье в нем, что добрая женщина содрогнулась. Ну почему, почему за глупости взрослых так часто приходится расплачиваться детям, виновным лишь в странных обстоятельствах своего рождения?!

Тем временем светало. Край горизонта подернулся розоватой дымкой, готовясь к

рассвету. Это был именно тот час суток, когда еще рано гасить свечи, но уже миновала часть минут, наполненных ожиданием светлого дня и вечной боязни: а вдруг эта ночь — вечна, и Боги прокляли людей, обрекая на безрадостное существование в жуткой тиши одиночества. Девочка уходила, не замечая торжественной песни цикад, пробуждавшихся к началу нового дня. Не ночь, но предутренний сумрак обнимал хрупкую фигуру девочки, а на востоке уже рождалась утренняя звезда, предвосхищающая появление светила и обреченная погибнуть в потоках расплавленной лазури. Умиравшая в муках каждую зарю, чтобы следующий рассвет вновь приветствовать своим возникновением и смертью. Ночные созвездия блекли с поступью шагов ребенка, растворяясь в небесной голубизне, перемешанной с водами океана.

Колдунья подслеповато шурилась, наблюдая за девочкой, медленно и в какой-то нерешительности шагающей к дому. И с каждым шагом ее мир пробуждался от оцепенения, пробуждался для новых дел и свершений, готовясь радостно встретить любое свое дитя в новизне утра.

Сердце старухи учащенно забилось. Она не почувствовала даже — вдохнула слабый запах зла, повеявший на нее с безмятежных небес.

— Постой! — Слабый окрик заставил девочку удивленно оглянуться. Колдунья спешила к ней, поминутно поскользываясь на мелкой гальке, рискуя запнуться и сломать себе ноги об огромные валуны, громоздившиеся в обилии на побережье. — Постой! — Запыхавшись, женщина догнала наконец-то девочку и схватилась узкой костлявой рукой за плечо, заставив ее скривиться от нечаянной боли. — Прости меня, прости всех. Но... Не покидай меня сейчас. Хочешь, ты станешь моей преемницей на пути волшебства? Мне давно нужна помощница, а ты справишься, я уверена. Никто больше не посмеет причинить вреда тебе, — ведь ты будешь единственным спасением для этих людишек после моей гибели.

Колдунья бормотала, сама не совсем вникая в смысл своих слов. Ей казалось, что она спасает девчущку от неминуемой гибели. Нельзя ей было сейчас появляться дома. Старуха не знала — почему, будто кто-то свыше предостерег ее. Она приводила все новые и новые доводы в пользу этого предложения, которое родилось неожиданно. Однако бормотания ее вдруг смолкли, когда она посмотрела на ребенка. Девочка слушала затаив дыхание и была похожа сейчас на тысячи обыкновенных детей, радующихся долгожданному подарку. Глазенки возбужденно блестели, совсем потеряв кровожадные огни в своей глубине. И казалось смешным, что из-за этого ребенка любой взрослый, искусенный в житейский делах, мог впасть в оцепенение.

— Вы... Вы серьезно мне предлагаете стать вашей преемницей? — От восторга девочка закружилась вокруг будущей наставницы, ежесекундно заглядывая той в глаза. — Я что, правда буду помогать людям и они перестанут меня бояться?

— Конечно, дитя мое, — ласково отвечала колдунья. Наваждение схлынуло, оставив после себя лишь неприятный шум в ушах и в глазах легкую дымку. Теперь старуха уже не ощущала опасности, а на душе у нее полегчало. Почему бы и нет? Годы ее уже не те, и все больше и больше сил тратится на поиск и сбор лечебных трав, да и простейшему волшебству не так уж и сложно будет научить ребенка. Элдриж с радостью примет любое предложение — лишь бы избавиться от нелюбимой дочери, которая, словно бельмо на глазу, постоянно напоминает ему о гибели жены. Там, смотришь, и островитяне примут девочку, — по крайней мере, против единственной в Лазури колдуньи вряд ли кто пойдет. Правда, это чревато тем, что они останутся без элементарной и скудной помощи во врачевании и прочих мелочах.

Колдунья и ребенок продолжили свой путь. Девочка торопливо щебетала, убеждая

старуху, что та не прогадала в выборе. Женщина молча внимала ей, тяжело опираясь на сучковатую клюку. По всей видимости предложение пришлось как нельзя кстати. Ребенок задышался в плотной паутине молчания и презрения, окружавшей его. А слова колдуньи открывали узкий лаз к спасению от вечных пересудов и перетолков. Но чем ближе они подходили к дому Элдрижа, тем гаже становилось на душе у старухи, как будто внутри нее из нитей дурных предчувствий свил гнездо громадный паук.

— Отец! — Громкий крик девочки, влетевшей, словно стрела, в убогое жилище чужаков, сменился гробовым молчанием и стуком, будто уронили что-то очень тяжелое. Старуха подковыляла к двери и заглянула внутрь, впрочем, точно зная, что увидит в комнате.

На светлом полу из необструганных досок лежал Элдриж, широко раскинув руки, будто силясь обнять кого-то или что-то. Белая холщовая рубаха его была широко распахнута, и ветер чуть касался нежной, едва загорелой кожи, играя шелковистыми волосами мужчины, целуя того в чуть приоткрытый в радостном изумлении рот. На губах чужака играла легкая улыбка, пожалуй, первая за все время, минувшее со смерти жены. Элдриж будто прилег на минутку отдохнуть, а душа его легко отлетела прочь, стремясь на встречу с любимой.

Около тела отца на коленях сидела девочка и покачивала его руку. Глаза ее сухо и яростно блестели, устремленные в никуда, а губы беззвучно шептали:

— Прости... прости за все... Я простила тебя...

* * *

С тех пор потянулось существование ребенка в доме старой ведьмы. Минул уже год с того горестного события.

На теле Элдрижа не нашли ни царапины. Но колдунью не покидала странная уверенность, что не все в его смерти так гладко. Иначе откуда столь сильное чувство опасности, которое возникло у нее в ночь гибели чужестранца? Когда душа самостоятельно уходит из тела, она делает это тихо и незаметно и не стремится увлечь за собой оказавшихся иронией судьбы рядом.

Нет, вряд ли чужака убили. Старуха склонялась к мнению, что кто-то, чье могущество намного превышало жалкие крохи познания в тайном искусстве магии самой колдуньи, мог помочь отыскать Элдрижу путь в обитель Богов. И этот неведомый кто-то очень не хотел, чтобы ему помешали в черном деле, а следовательно, легко мог устранить надоедливые помехи, тем более из числа людей. Но кому из великих магов, а такое волшебство по плечу лишь действительно знающему колдуну, перешел дорогу Элдриж — потерявший смысл жизни, утративший волю к существованию, словом, абсолютно не представлявший опасности человек?

Так или иначе, но Эвелина (а именно такое имя дала колдунья девочке) отныне стала жить у старухи. Сказать, что островитяне были против, значит, ничего не сказать. Ребенка по всеобщему согласию хотели отправить на материк в сиротский дом, всей Лазурью оплатив проезд, дабы далее о ней позаботилась империя. Ведьму убеждали, что так будет лучше для всех, и в первую очередь для самой девочки. У Рокнара достаточно денег на воспитание в лучших традициях государства любой обездоленной сироты. Да и Эвелине будет легче на большой земле забыть о своих злоключениях, тем более что там она не выделялась бы столь резко по внешности от остальных детей, собранных со всех уголков огромной земли под

эгидой белокрылого орла — имперской эмблемы Рокнара. Ей дадут лучшее образование, нежели могли бы предложить островитяне. Разве у кого-нибудь есть время, а главное — желание возиться с этим... помеченным крылом проклятия созданием. Большая земля дает своим воспитанникам большие возможности. Любой из подрастающего поколения Лазури отдал бы многое, чтобы оказаться на месте девчонки.

Колдунья слушала вполуха доводы островитян. Она признавала их правоту, но прежде всего — правоту для них самих. Девочка навсегда осталась для них занозой в сердце, напоминанием о собственной неправоте и жестокости, о ночи страха под знаменем красной звезды. Эвелина олицетворяла темную сторону людской души, ее суеверия, предрассудки, ненависть к новому и неизвестному, а оттого и пугающему. Колдунья понимала это. Она знала и то, что вряд ли девочка будет счастлива в сиротском доме. Из нее, непокорной и непохожей на остальных, уговорами ли, стараниями ли знатоков душ сотворят стандарт — шаблон для той работы, которой прикажут девочке заниматься. А если все же потерпят неудачу и ребенок не впишется в схему мироустройства, — что ж, на задворках империи много темных углов для отщепенцев, которым нет места в благоустроенном мире.

Ведьма не желала девочке такой судьбы. Поэтому краток был ее ответ без объяснений: «Нет». И потому столь ужасными карами грозила она любому, кто затронет еще хоть раз эту тему.

Поначалу девочка, словно стесняясь ее, лишь молча помогала по хозяйству, избегая разговоров. Ребенок, уже ступивший на путь взросления, быстро и без особых усилий привел дом колдуньи в порядок. Заблестел старый деревянный пол, тщательно выскобленный заботливой рукой, засверкали потускневшие от времени окна. Девчушка была рада хоть этой малостью отблагодарить старую женщину за тепло и доброту, которые ей наконец-то довелось вкусить в столь убогом жилище.

Но колдунью поражало не только это: Эвелина легко постигала азы магии. Она не выучивала слов заклятий — напротив, будто вспоминала что-то давно знакомое, но почему-то забытое.

Колдунья очень любила ходить с ребенком за целебными травами. Сбор их предполагал тишину и тщательность, чтобы, не приведи Старшая Богиня, вместо полезного во всех отношениях и оттого редкого и ценного зуба дракона не сорвать ядовитую плакун-траву. Но девочке хватало и секунды для распознавания растений, которые она видела лишь раз. А сведения о свойствах трав, казалось, были высечены в ее памяти. Более того — не единожды ребенок просвещал колдунью, начитавшись покрытых пылью веков старинных фолиантов травоведения. Вначале старуха недоверчиво относилась к словам Эвелины, проверяя и перепроверя зелья, сваренные по советам ребенка, на домашних козах. Но когда у древнего козла, почти ровесника ведьмы, вдруг выросла новая шелковистая ослепительно-белая шерсть вместо свалявшихся клоков старой, вонявшей кислятиной, колдунья поверила ей безоговорочно. Ведь потчевала его девочка эликсиром молодости, самым трудоемким и сложным снадобьем, содержащим почти сто ингредиентов в самых тонких пропорциях. Колдунья печально усмехнулась. Интересно, что сказали бы островитяне, если бы узнали, что все те настои и отвары, целебные свойства которых они превозносили во весь голос, уже давно варит «исчадие зла» — ребенок, еще не достигший возраста принятия имени, чей вид им омерзителен. И в руках этой девчушки, пожалуй, самое страшное оружие для мщения — магия и яды.

С той поры колдунья отстранилась от сбора трав. Она с радостью уступила уже

невыносимую для скрученных болезнями ног обязанность младому поколению. А Эвелина была счастлива провести день вне поселка, отдыхая душой от вечных пересудов, косых взглядов и насмешек, бросаемых камнем в спину. Она уходила в гору еще затемно, когда солнце золотило вершины холмов, а долина готовилась нежиться в предутреннем тумане. Под тихий шелест волн Эвелина пересекала деревушку, в покосившихся домиках которой жили люди, прекрасные на вид, но с подпорченной гнилью суеверия душой. По светлой песчаной дорожке, петлявшей между валунами и уводившей на самую вершину, девочка медленно поднималась, наслаждаясь редкими мгновениями спокойствия и отдыха от суеты повседневной жизни. А потом, на самом окончании каменистого утеса, свесив ноги в пропасть, от заманчивой глубины которой кровь леденела в жилах, она ждала рождения нового дня. Лишь краткий миг отделял свет от тьмы здесь, на краю бездны. Один вздох, слабый удар пульса в висках — и все вокруг заливало торжеством золота, и Эвелина смеялась от переполнявшего ее чувства восторга. Под ногами простирался целый мир: маленький поселок, прижавшийся к песчаной бухте острова, густая зелень леса, покрывавшая подступы к горе, и словно тягучие капли изумруда в прозрачной синеве сапфира — соседние клочки суши. Здесь, невидимая и недосыгаемая для островитян, девочка быстро завтракала ломтем хлеба, пахнувшим ветром и зноем лета, и запивала его парой глотков из глубокого и чистого ручейка, прохладная вода которого приятно ломила зубы. Затем, торопясь успеть до полудня, когда светило занимало исконное место в зените и, казалось, не было спасения от его отвесных безжалостных лучей, девчушка принималась за поиски. Она с легкостью использовала свою память как энциклопедию, безупречно точно выуживая оттуда сведения о внешнем виде растения и об его целебной значимости.

Эвелина обожала собирать травы. Они казались ей верными друзьями, от которых нельзя ожидать предательства. Вот, например, арника, незаменимая при любых недугах костей и суставов. А плакун-трава, добавленная в питье врага, заставит того сохнуть от невиданной печали и может совсем свести в могилу, если не смилуется заказчик. Впрочем, столь опасных зелий они не продавали. Не готовили они и ядов. Лишь под присмотром старухи Эвелине доверялось капнуть отваром одолень-травы на руку ужаленного змеей или медузой. Два смертельных вещества истребляли друг друга, и ранка затягивалась на глазах. Хотя ныне больше за колдуньей надо присматривать, если та садится за ворожбу. В памяти Эвелины еще не стерлась суета, когда ведьма вместо долгожданного дождя наколдовала нашествие слизняков, чуть не погубивших весь урожай Лазури. Жители благодарили Старших Богов за то, что те милостиво остановили стихийное бедствие, но только Эвелина знала, кому на самом деле островитяне были обязаны неожиданным спасением. Это она испепелила прожорливых тварей в земле, обеспечив людям спокойный, без голода, сезон дождей.

Девочка не держала зла на глупых земляков. Эвелина могла бы их отравить, вызвать сильнейший шторм, наслать град на их посевы. Но нет. Мысль о мести смешила ее. Кому мстить? Кучке людишек, погрязших в страхе и невежестве? Смешно. Против глупости сами Боги бороться бессильны.

Но все же, несмотря на все успехи девочки, старуха не доверяла той секрета магии. Эвелина захохотала при воспоминании об этом, вспугнув своим голосом пару птиц, гнездившихся неподалеку. Колдунья искренне считала, что древнему искусству волшебства могут научить лишь в Академии на острове Досир, близ материка, выпускницей которой и была она сама с незапамятных времен. А без благословения магов и думать нечего учиться,

тем более учить колдовать. Хватит с девчонки секретов травников, да благословят Боги все начинания.

Эвелина не перечила старой женщине, но при этом без спроса утаскивала в свои частые походы древние учебники, со страниц которых вещала сама вечность. Колдунье было невдомек, что ребенок давно вырос и далеко обогнал ее на пути познания. Эвелина с помощью простых, но действенных заклятий улучшала состав снадобий, продаваемых островитянам, и доход от них ощутимо вырос, хотя ведьма считала это следствием молодых ног и острой памяти напарницы. Девочка подлечила и саму колдунью, которая, следуя первой заповеди колдунов — не лечи сама себя, — тихо погибала от многочисленных болячек без надлежащей помощи. Нет, колдунья не стала сновать по поселку, но передвигалась теперь с большей скоростью, уже не жалуясь на выкручивающую суставы боль.

Эвелина кинула озабоченный взгляд на выцветший от жара купол неба. Пора искать укрытие, иначе она рискует поджариться на камнях.

Девочка встала, поправила на плече ремешок от сумки, под завязку набитой благоухающим разнотравьем, и бодро зашагала вниз. Она знала, что и где искать. Чуть вбок от дорожки виднелась молодая рощица, лениво шелестящая листвой на слабом ветерке. Ее уже мощная крона надежно скрывала вход в уютную пещерку у подножия скалы. Пол там был выстлан прохладным камнем, обрамляющим робкий ручеек, рождавшийся где-то в недрах горы и стремящийся здесь на волю.

Сырость этого места и питала зелень здешнего склона, в сумраке и прохладе которого Эвелина собиралась провести свой урок.

Удобно усевшись на землю, Эвелина, подобрав босые ноги, очертила вокруг себя защитный пояс, призванный оберегать от злых глаз и ушей. Потом, вытащив из второй, меньшей сумки, хранящей остатки завтрака, крошечную истрепанную книгу, она погрузилась в чтение. Казалось, время остановилось для нее. Изредка девочка поднимала глаза от страниц полуразвалившейся рукописи и что-то тихонько нашептывала себе под нос, нетерпеливо пощелкивая пальцами. Взор ее, отуманенный тайным знанием, словно погружался в прошлое, стараясь припомнить там что-то. Порой Эвелина резко вскакивала и, направив в угол пещеры палец, громко и повелительно выкрикивала несколько слов на непонятном языке. Иногда от ее пальцев отрывался огненный шар, беззвучно рвавшийся и освещающий низкие своды пещеры, другой раз — ледяная молния пронзала камень, и тогда гора тихо сотрясалась в недоумении: что же творится там, в ее чреве?

Девочка, удовлетворившись, вновь садилась на свое место и продолжала прерванное занятие. Она уже давно отказалась от попыток зазубрить заклятия, как это делала ведьма. Человеческая память недолговечна, а слова магии трудны и громоздки. Нет, Эвелина пыталась найти систему в составлении заклинаний — и она ее нашла. Помог этому разговор, состоявшийся у нее с колдуньей около полугода назад.

Снаружи бушевала непогода. Начался сезон штормов, и море, разом утратив свое радушие и тепло, с силой дикого зверя набрасывалось на побережье, силясь достать и слизнуть, уничтожить, смыть с лица земли поселение людей. Мерному реву океана вторил вой ветра, гудевшего в трубах печей, стремящийся опрокинуть шаткие строения, разнести крыши, выдуть жалких людишек во власть непогоды. Ставни домов заливали потоки дождя, будто разверзлись хляби небесные. Но дома Лазури переживали шторма и пострашнее, а потому люди спокойно ужинали в своих семьях, лишь изредка вздрагивая от чересчур

дерзкого порыва ветра, жалобным звоном стекла наполнявшего крохотную постройку.

Эвелина словно зачарованная сидела у камина, задумчиво глядя на огонь. Блики пламени отражались в ее спокойных, сейчас темных и неопасных, очах, красным отблеском ложась на паутину черных волос. Колдунья, сидя за столом, что-то силилась разобрать в манускрипте, щуря подслеповатые глаза.

— Не понимаю. — Голос Эвелины отвлек старуху от ее занятия. — Почему вы отказываетесь учить меня языку заклятий? Вам бы не пришлось портить свое зрение.

— Ах, девочка моя, — грустно улыбнулась колдунья, откладывая в сторону порядком надоевший свиток. — Если бы я была в состоянии сама понять его, я бы не закончила Академию с восьмой ступенью посвящения.

— Что это значит? — заинтересовалась Эвелина, поворачиваясь от огня к старухе. — Я впервые слышу про ступени.

— Здесь тайны нет. — Ведьма с трудом повела затекшими плечами. — По окончании Академии любой ученик получает соответствующую оценку своим знаниям, которая измеряется в ступенях. Всего их десять. Высшая соответственно первая. Маг, получивший ее, может рассчитывать на дальнейшее обучение. Далее следует Высокий маг — с этой поры преподают в Академии, и самая недостижимая цель — Высочайший маг. Их таких на свете всего пять. Или шесть, разное болтают.

— В чем измеряются ступени? — спросила Эвелина. — В знаниях или в умениях?

— Ни в том и ни в другом. — Старуха помолчала и нехотя продолжила: — Язык магии — язык драконов, со своими законами и правилами. Воспринимать и, что самое главное, воспроизводить его может лишь отмеченный печатью Богов. Но чем меньше в тебе силы четырех стихий, тем труднее тебе познать этот язык. Низшие ступени, и я, как принадлежащая к ним, в состоянии лишь зазубрить словесные формулы и не в силах проникнуть в их сокровенный смысл. Поэтому я не могу, да и не хочу обучать тебя заклинаниям. Мне ближе травы. Уж в них-то я никогда не ошибалась.

— Значит, Высочайшие маги в совершенстве владеют языком драконов? — не отставала от старухи девочка.

— Говорят, — понизила голос колдунья до шепота, — что они даже шагнули за порог времени. Нет, конечно, магия дает преимущества своим слугам перед бегом часов. — Тут ведьма испуганно оглянулась на пляску теней у себя за спиной. — Чем сильнее маг, тем дольше он живет. Мне-то больше века, а я не так могущественна. Но они — они живут тысячелетиями, не старея и не умирая. Так-то, девочка моя.

Эвелина тряхнула головой, прогоняя воспоминания. Так или иначе, но у нее была зацепка, было время и уйма книг. И девочка начала работать. Медленно, очень медленно постигала она азы магии, сама, без посторонней помощи продираясь сквозь метафоры и изощренные словесные обороты, которыми изобиловали книги древних. Но у нее начинало получаться. И главное — ей не надо было выучивать заклятия. Необходимо сперва сформулировать желание или приказ, а уж фабула придет сама, подсказанная кем-то свыше.

На закате Эвелина возвращалась домой, уставшая, но довольная. На следующий день, пока руки привычно и умело перебирали травы, ее ум перебирал новые понятия, анализируя их и систематизируя. И через день, уже с другой книжкой, девочка вновь устремлялась в горы. Старуха не могла нарадоваться, глядя на ее трудолюбие и послушание.

Так сонной чередой протекали дни. Вечерами старуха рассказывала девочке о великих войнах и битвах, и огромный мир вырастал вокруг бесконечно одинокой в водной пустыне

Лазури.

Эвелина уже давно мечтала о столице — Доргоне — и об Академии, в которую, она была в этом твердо уверена, ее без проблем зачислят. И вот в мечтаниях ей виделся двор императора, суматоха балов и шум сражений, из которых она неизменно выходила победительницей.

Эвелина даже представить себе не могла, как скоро исполнится ее мечта о большой земле...

* * *

Новый год принес много неожиданных, а порой и просто фантастических известий. Началось все с того, что в назначенный срок в порту Лазури не пришвартовался долгожданный корабль с материка. Его прождали месяц, удивляясь, что за напасть могла случиться с хорошо оснаренным, укомплектованным опытной командой судном в столь спокойную и благословенную погоду. Но миновал еще месяц, а вестей из океана не прибавилось. Загадка объяснилась позже, когда вблизи Лазури бросил якорь тяжелый военный бриг. С него спустили шлюпки, и вскоре взорам столпившихся на берегу встречавших предстала группа вооруженных людей, на загорелых лицах которых отчетливо читались усталость и какое-то едва уловимое отчаяние. Их приняли по старинным ритуалам гостеприимства, радушно и без лишних расспросов накормив. Лишь после часа отдыха, который приезжие провели в доме деревенского совета со всеми мыслимыми в этой глуши удобствами, пришла пора вопросов и ответов.

— Я капитан «Грозы морей», — кратко представился самый рослый из моряков, нервно оглаживая куцую бородку, косою линией убегающую к кадыку. — Меня отрядили на поиски регулярного судна — вашей связи с Рокнаром. Как вы уже заметили, оно словно сквозь землю, точнее, как в воду кануло.

— И у вас нет никаких предположений о его судьбе? — выступил вперед староста — маленький полненький человечек, тяжело дышавший от избытка веса и недостатка терпения.

— Почему нет — есть, — недовольно пробурчал капитан. — Только вряд ли оно вам понравится. В районе архипелага хозяйничает шайка пиратов.

В домике, забитом до предела, прокатился гул удивления.

— А вы что думали? — чуть повысив голос, одними краешками губ улыбнулся моряк. — Пираты еще существуют в нашей могущественной империи. Так сказать, пережитки прошлого. Кстати, вполне успешно орудующие в здешних краях. Будь я на вашем месте — я бы поостерегся.

— Глуposti, — засмеялась колдунья. — Чего нам опасаться? Детей, что ли, ночью одних отпускать? Зачем нападать на нас? В Лазури нет золота, подземных сокровищ, никаких реликвий. Мы нищие, словно жрецы Младшего Бога, и так же скучны, как скрижали Предназначенного.

— Ну не скажите, — мягко возразил мужчина, обводя рукой присутствующих. — Ведь здесь сейчас собралось все население островов?

Колдунья молча кивнула. Отрицать очевидное было нелепо. Любопытство согнало в просторное помещение всех. Присутствовали даже молодые матери с грудными младенцами,

держали их на руках. Кому не хватило места — толпились в проемах, заинтересованно жались к стенам, словом, занимали все свободное вокруг пространство.

— Так вот, — продолжил мужчина, пожимая плечами, — вы сами — лучший товар.

— Работоторговля? — вскинулась колдунья. — Но император...

— Император далеко. Где — он, и где — вы, — резко прервал ее капитан и продолжил с ехидной ухмылкой: — Быть может, у Лазури сильный хранитель? Кто ваш колдун?

— Я, — потупилась ведьма. — Ты прав. Я вряд ли выстою в одиночку против пиратов.

— Не прибедайся, старуха, — выкрикнул кто-то с задних рядов под скрытые смешки. — А как же твой выкормыш? Уж она-то точно обрушит на врагов все силы Младших Богов.

Эвелина молча проглотила насмешку. Она уже привыкла к явным и тайным оскорблениям, и это было не худшим. Ненависть не хотела остывать в сердцах людей, а она не позволяла гневу взять над ней верх, зажечь в глазах пламя возмездия. Ее больше интересовал предводитель приезжих. Он ей не нравился — ой как не нравился. Казалось бы, все в его внешности должно вызывать доверие: светлые волосы, обрамляющие открытый честный лоб, стального цвета глаза, смотрящие прямо и твердо, рыжая, выгоревшая борода, мускулистый торс. Словом, пример истинного служителя императора.

Чувство неприятия у Эвелины было столь нелогичным, что она сама понимала всю глупость положения. Но ей чудилось, что капитан врет, и врет нагло. Она чувствовала запах лжи, буквально источаемый порами его прекрасно тренированного тела.

Тем не менее Эвелина подняла голову и упрямо уставилась темными глазами в лицо капитана. Тот заинтересованно окинул маленькую фигурку взглядом.

— Это правда? — переспросил он колдунью. — Девочка сильна в магии?

— Ну что вы, — неловко отшутилась ведьма, кладя руку на плечо Эвелины. — Людские перетолки. Конечно, у ребенка есть крупницы таланта, но кто ж его разовьет в глуши? Ведь у меня только восьмая ступень, я не гожусь в учителя.

— Слабовато против пиратов, — холодно отметил мужчина и наконец-то отпустил Эвелину из плена своего задумчивого взора.

Девочка облегченно вздохнула и постаралась затеряться в толпе, прокладывая дорогу к выходу. Она не знала, что скрывает капитан, но понимала каким-то шестым чувством: грядет конец представлению. Скоро все откроется. Предчувствия никогда не обманывали ее, и Эвелина предпочла бы в этот момент находиться как можно дальше от поселка.

— Так чему же вы учили ребенка? — задал новый вопрос мужчина, задумчиво поигрывая эфесом меча.

— Травы, их свойства, внешний вид, — развела руками колдунья. — Искусство врачевания, подаренное Старшей Богиней. Ничего особенного, никакой магии.

Эвелина кратко хмыкнула про себя, балансируя на самом пороге, но еще не решаясь окунуться во мрак ночи. Непреодолимым препятствием на ее пути стоял человек капитана, будто охранявший выход. Ребенок оглянулся по сторонам и мысленно присвистнул. Увлеченные диалогом островитяне не обращали внимания на вновь прибывших. А те уже взяли домик в плотное кольцо, незаметно оттеснив людей от стен и окон, и Эвелине решимость в их глазах была не по нутру. При желании ей бы удалось оглушить здоровяка на своем пути, но без повода она не желала применять запрещенное искусство. Ведь ее предчувствия — лишь подозрения, не более. Однако последние слова капитана заставили ее принять решение, причем весьма и весьма срочное.

— Ну что ж, — начал капитан, вставая и вытягиваясь во весь рост. — Позвольте на этом закончить маскарад. Мне очень жаль вас разочаровывать, милые люди. Но нельзя быть настолько доверчивыми. Итак, представляюсь еще раз. Штамир — капитан пиратов.

В зале повисла пауза ледяного молчания. Впрочем, бандит и не ждал теплого приема.

— Взять старуху и девчонку, — приказал Штамир будничным тоном. — Заковать в антимагические оковы — так, на всякий случай. А этот скот, — кивнул он на жителей Лазури, — в кандалы и в трюм.

Старуха тихо пискнула в руках могучего пирата, который, особо не церемонясь, ловко вывернул ее руки за спину. Щелк — и ведьма больше не опасна. В комнате поднялась толчея. Люди пытались выбраться из дома, неожиданно ставшего западней. Но всюду на их пути оказались люди капитана.

Где-то громко, навзрыд закричал ребенок, зажатый между дерущимися взрослыми. Молоденькая девушка нырнула в самую толпу, пытаясь помочь малышу. И тут же, ойкнув от боли, отлетела к стене, походя отброшенная каким-то головорезом.

Эвелина же быстро отпрыгнула в сторону, уходя от здоровья. Гордо вскинув голову, она посмотрела тому прямо в глаза, удовлетворенно наблюдая, как он цепенеет от немигающего взора ребенка. Девочка знала, что в ее глазах уже бушует кровавая метель бешенства. И именно гнев вложил в детские уста нужное заклятие.

— Держать ведьминское отродье, — через толчею суматохи крикнул капитан, пытаясь остановить маленькую ведьму на пути к свободе.

Эвелина, топнув ногой, мерно и четко выговорила пару слов. Странное звучание их словно заворожило пиратов. В оглушительной тишине девочка щелкнула пальцами. Простой звук будто взорвал напряжение в помещении. Люди вновь слышали мерное дыхание океана и тихие хлопки, с которыми взрывались свечи. Тьма пала на их головы, тьма и неразбериха.

— Держать ее, — раненым зверем в отдалении ревел капитан. — Принести еще огня, шевелитесь же, яд медузы вам на раны.

Буквально тотчас запыхали факелы, чадящим пламенем освещая перепуганные лица островитян. Вот только девочки среди них не оказалось. Лишь у дальней стены хрипел пират, скрученными от ужаса пальцами размахивая перед лицом в попытке отогнать от себя несуществующий морок. В широко распахнутую дверь за его спиной врывался сырой ветер, насыщенный криками чаек, и непроглядная ночь.

— Искать ее? — подбежал к капитану помощник.

— Нет, не сейчас, — отмахнулся тот. — Она здесь как рыба в воде. Дождемся утра. И молитесь, — хмуро добавил Штамир, кровожадно облизывая губы. — Молитесь, сухопутные крысы, чтоб девчонке было не чуждо чувство благодарности. Слышите, твари дрожащие?! Вы все, все один за другим подохнете от боли, если девчонка не сдастся мне. Ваши крики послужат мне наживкой для нее. Мне она ценнее всех вас, вместе взятых. Ты же, старуха, — мерно печатая шаг, приблизился капитан к ведьме, — ответишь за свою ложь о магии. Ты погибнешь под пытками первой, и даже в пыточных подвалах Младших Богов твое наказание назовут неслыханным.

Капитан грузно опустился на стул, устало прикрыв глаза рукой.

— Сковать всех и запереть в доме, — отдал он последние указания. — Выставить надежную охрану. Хотя вряд ли девчонка вернется ночью. Она маленький ребенок, напуганный и одинокий. А утром посмотрим, насколько хорошо разбирается она в вопросах тактики и стратегии, да и готова ли пожертвовать своей свободой во имя этого отребья.

Капитан пиратов ошибался. Эвелина не была напугана. Ошеломлена, удивлена и растеряна — может быть, но не подавлена. Она, вопреки ожиданиям Штамира, и не думала удаляться далеко от дома старосты, справедливо рассудив, что ночь и бесшумные ноги — ее лучшие союзники против громких и неуклюжих взрослых. Затаившись в рожице около дома, девочка задумчиво взидала на суматоху незваных гостей. Слышен ей был и заключительный приказ капитана. И это обстоятельство, странное дело, лишь прибавило ребенку уверенности и спокойствия.

Спустя час все вокруг успокоилось. Вокруг дома молчаливыми тенями застыла стража, привычно держа круговую оборону. Затих плач детей и причитания взрослых, согнанных под одну крышу. Лег спать и Штамир, заняв ближайшее строение, впрочем, и тут не погнушавшись охраной. Глупо было нападать на пиратов сейчас. Да и что сделает один ребенок против отряда головорезов? Конечно, будь они все вместе, можно было бы попытаться придумать заклятие, убивающее волю и отвагу, и напустить наваждение. Но на груди у многих мужчин Эвелина угадала непонятные сгустки тьмы, жадно пьющие магию Лазури. Если бы девочка была чуть старше и опытнее в делах непознанного, то без сомнения узнала бы в них амулеты против колдовства, а так — лишь интуиция приказала ей: даже не пытайся.

Время шло, а решение все никак не приходило на ум Эвелине. Даже таинственный советчик, так часто нашептывающий ей слова заклинаний и помогающий в повседневных мелочах, сейчас затих будто в сомнениях. Она перебрала тысячи вариантов, и ни один не казался ей абсолютно беспроязычным и безопасным, а на риск у нее просто не было права. Перебить пиратов? Мало сил, умений и решимости. Обмануть их? Мешают амулеты. Переместить всех островитян в безопасное место, воспользовавшись телепортацией? Надорвешься, с населением нескольких-то островов. Плюнуть на всех и спасти только ведьму? Хорошая идея, но вряд ли старуха простит ей смерть нескольких десятков людей, причем смерть мучительную и долгую. Да и со своей-то совестью примириться будет ой как нелегко. Сдаться, потребовав свободу для всех? А где гарантии, что Штамир сдержит свои обещания, — тем более, по его же словам, он никогда не страдал излишней честностью. Попросить помощи у более сильных магов? Но где же их взять в тысячах миль от материка? Здесь и колдунья с восьмой ступенью посвящения уже считается почти всемогущей.

Вот такие нерадостные мысли гуляли в голове у Эвелины. Так и не найдя приемлемого и разумного выхода, она мирно задремала под тихий шелест листвы и таинственный шепот океана.

Утро девочка встретила на ногах. Лишь только первые лучи солнца показали из вод океана, Эвелина открыла глаза. Она была абсолютно спокойна. За ночь решение пришло само. Да, она вызовет на поединок Штамира. Для пиратов воинская честь превыше всего, и он не сможет наплевать на вызов к бою, — пусть даже бросит его ребенок, не имеющий истинного имени. Пират побоится обвинений в трусости и сразится с ней. А дальше — будь что будет. Если в мире осталась хоть капля справедливости, то победа будет за ней. В противном случае Эвелина сама бросится на меч. Не в ее правилах быть рабыней и прислуживать кому-то.

Одним из условий битвы будет полное и безоговорочное освобождение островитян —

независимо от результата поединка. Если Штамир не сдержит обещания, — что ж, Эвелина найдет способ вернуться с того света, чтобы проклясть и его, и все его потомство до седьмого колена.

Пробудились ото сна и вероломные гости. Сладко потягиваясь, вышел из дома Штамир и кинул благостный взгляд на текучую синь небосвода, теряющуюся в безбрежных водах океана. Улыбнулся и многозначительно кивнул своим помощникам. Те засуетились и без особой спешки принялись выгонять островитян из дома. Заработал размеренный механизм их привычной работы. Не впервой было пиратам готовиться к пыткам.

Через некоторое время все было готово к решающему представлению. На ослепительно-белом, до рези в глазах, песке побережья, под еще по-утреннему приветливым и ласковым солнцем вытянулась шеренга закованных в кандалы людей. Чуть поодаль, под тенью чахлой рощицы, удобно восседал на вынесенном из дома кресле капитан пиратов. Здесь же высилась возведенная на скорую руку виселица, представляющая собой чурбан под ноги да веревку, перекинутую через кряжистую ветку невысокого деревца.

Штамир провел рукой по еще чуть влажным от умывания светлым волосам и хлопнул в ладоши, призывая к вниманию. Впрочем, все взоры несчастных и так были устремлены на него — у кого-то с отчаянием и тупой покорностью судьбе, у кого-то с еле заметным блеском надежды на чудо, а у некоторых и с легким оттенком восхищения и зависти перед более сильным и удачливым соперником.

— Я рад, что мы сегодня собрались в столь дружеской и непринужденной обстановке, — с сарказмом начал пират. — Я счастлив лицезреть вас в добром здравии. Тем более что за каждого из вас на невольничьем рынке Запретных Островов мне причитается внушительная сумма, способная сделать меня еще более довольным собой. Лишь одно обстоятельство омрачает мне удовольствие от столь блистательно проведенной операции — ваша старая ведьма и ее выкормыш.

Штамир почесал бровь, и, словно по безмолвному приказу, вперед вытолкнули колдунью с растрепанными седыми волосами и скрученными руками. У Эвелины слезы подкатили к горлу, когда она заметила свежие кровоподтеки на запястьях и лодыжках ее благодетельницы. Услышала она и стон, который против воли издала ведьма, когда ее силой принудили опуститься на колени перед пиратом.

Капитан с презрением посмотрел на старуху и продолжил:

— Я мог бы примерно наказать вашу хранильницу за ложь о воспитаннице и уплыть восвояси, увозя вас в качестве трофея. А ребенок — что ребенок? Пусть живет и вспоминает меня в кошмарах. Но интересное дело. Ведь девчонка и впрямь не имеет ни капли магического образования. Знаний же и умений хватит у нее на десятерых таких ведьм, как ваша. — Пират помолчал и почти ласково обвел островитян рукой. — Вы — хорошая добыча. Стоите, как стадо племенного скота. Но на Запретных Островах всегда в почете была магия. Даже за такую рухлядь, как эта колдунья, я получу больше примерно втрое, чем за всех вас, вместе взятых. Если ведьма откажется служить новым хозяевам, из ее костей сделают прекрасный эликсир Силы. В общем, я внакладе не останусь. Но за девчонку... О! За девчонку я получу в сотни, в тысячи раз больше, чем за старуху. Колдуны Запретных Островов будут сражаться за право владеть таким уникалом, как ваша землячка. На третью-то ступень она точно сможет когда-нибудь претендовать. Боюсь, как бы ваш архипелаг не родил Высокого или, чем Боги не шутят, Высочайшего мага. После ее продажи я смогу купить не то что новый корабль — флотилию хорошо вооруженных и оснащенных парусников. Не

обижайтесь, милые люди, ничего личного, но вы для меня — лишь средство получить девчонку.

Штамир встал и подошел к ведьме. Кончиком меча приподняв ее подбородок, он весело пожал плечами:

— Я буду тебя пытаться, старуха, до тех пор, пока ты не познаешь наслаждение в боли. Когда ты умрешь, проклиная час своего рождения, я выберу следующую жертву. И так до тех пор, пока твое отродье не сдастся мне. Мне плевать, если я перебью всех на этом острове, но учти — начну я с детей. Если и после этого девчонка не придет ко мне сама, — что ж, значит, у нее настолько безжалостное сердце, что со временем она сама найдет колдунов, и ее сопротивление — лишь отсрочка неизбежного.

Штамир сделал шаг назад и тщательно засучил рукава своей белоснежной рубашки, в вырезе которой на загорелой шее покачивался непонятный знак из тусклого металла — два перекрещивающихся круга, один чуть наклонен по отношению к другому.

— Начнем, — просто сказал он.

— Стой! — Звонкий детский выкрик прервал приготовления пирата к чему-то жуткому, но весьма привычному для него.

Мужчина обернулся и довольно усмехнулся, заметив на берегу тоненькую фигурку ребенка. Девочка упрямо мотнула головой, отгоняя от лица непослушные пряди волос, которыми забавлялся ветер, и с вызовом встретила взгляд капитана.

— Все оказалось намного легче, чем я предполагал, — пожал плечами Штамир и сделал шаг по направлению к Эвелине.

— Беги, дочка, спасайся, — перекрывая шум океана, крикнула колдунья, с отчаянием хватая пирата за ногу. — Они сделают из тебя хуже, чем рабыню, — подобие себя. Мы же все равно погибнем...

Мужчина играючи размахнулся, и старая женщина отлетела на пару шагов в сторону от небрежной пощечины. Эвелина дернулась, будто это ее ударили только что, и с ненавистью вскинула ладонь.

— Без шуток, девочка, — предупредил ее Штамир. — Твое сопротивление послужит пищей для моей жестокости. Тебе не справиться со всеми.

— Я знаю, — печально качнула головой маленькая колдунья, и солнце сверкнуло на безжалостной стали ножа в ее высоко поднятой руке.

— Ты думаешь, твоя смерть спасет этих людей? — Пират холодно усмехнулся. — Огромная ошибка, будь уверена.

Эвелина покачала головой и с хитрой улыбкой, чуть морщась от боли, легкими касаниями остро заточенного лезвия начертила имя пирата на правом запястье.

— Ты вызываешь меня на бой? — от души расхохотался пират. — Сумасшедшая. Ты хоть представляешь, сколько схваток я провел за свою жизнь? У тебя даже оружия нет, да мне и стыдно будет сражаться против ребенка.

— Придется, — скривила губы Эвелина. — Я знаю правила вызова, пират. Победитель выполняет просьбу побежденного. Мое условие — освобождение островитян. Если я проиграю, то ты немедленно покинешь Лазурь и не причинишь никакого вреда здешним обитателям. Я поплыву с тобой по доброй воле. Если выиграю я — ты отпускаешь всех.

Среди пиратов раздался дружный смех, но Эвелина, ни капли не смутившись, продолжила:

— Ты вправе отказаться, но твое имя окажется покрытым позором. Испугаться ребенка,

да еще с ножом вместо меча — неслыханная трусость, не так ли?

— Хорошо, — согласился Штамир после минутного замешательства. — Будь по-твоему. Такая дерзость должна быть награждена. Пусть призом будет свобода этих людишек. За тебя я все равно получу много больше. Но учти, мое первое действие после победы — будет порка солеными розгами!..

Эвелина кивнула в знак согласия. Штамир сделал знак своим людям, и островитян расковали очень скоро. Освободили и колдунью, та медленно проковыляла к своим собратьям по несчастью, держась за ушибленное плечо. Девочка взирала на это без малейшей тени сомнения. Она знала, что мужчина не рискнет преступить древнейшего ритуала схватки. Иначе уважение команды будет утеряно, и несчастья постигнут корабль изменника.

— Штамир, — окликнул кто-то своего капитана, — дай ребенку меч. Пусть все будет по-честному. Ты же не хочешь, чтобы удача и милость Младшей Богини отвернулись от тебя.

Девочке бросили оружие. Эвелина крепко обхватила эфес и не без труда оторвала его от песка. Даже среди островитян послышались смешки — настолько нелепо выглядела фигура ребенка против мускулистого и поджарого пирата, уверенно сжимавшего свой меч. Лишь колдунья крепко зажмурила глаза и молилась четверем стихиям о благополучном исходе схватки.

— Прости, если пораню тебя, — ухмыльнулся Штамир и пошел вперед.

Девочка с трудом увернулась от его первого наскока. Она не рисковала подставлять свою хрупкую надежду на спасение под удар пирата, прекрасно понимая, что не ей соперничать с ним в силе. Эвелина танцевала под палящими лучами солнца, вновь и вновь уходя от атаки соперника.

Но вот Штамиру надоела игра в кошки-мышки. Опытный фехтовальщик, он без труда провел обманный замах и выбил оружие из рук ребенка. Пират иронично поклонился своей сопернице, но ребенок, перекатившись, снова вскочил на ноги, сжимая в левой руке нож. Капитан вскинул бровь, дивясь ее настойчивости. Впрочем, уже через миг ему пришлось пожалеть о потере бдительности. Раздался свист рассекаемого воздуха, и его щеку пронзила неожиданная и резкая боль. Не веря своим ощущениям, Штамир поднял руку и недоверчиво вытер лицо. Рукав рубашки тотчас окрасился красным. Взревев, словно раненый зверь, он пошел на обидчицу. Быть помеченным — кем? Несмышленьшем? Ребенком, впервые увидевшим оружие? Какой позор для непобедимого пирата! Проучить девчонку, проучить немедленно и жестоко. Чтобы другим неповадно было...

Эвелина, помертвев от ужаса, наблюдала за приближением гибели. Не уйти от зверя в человеческом облике, не скрыться... Нет спасения...

Словно пойманная в силочку птица, забилась в виске маленькая жилка. Зачесалось горло, жутко захотелось пить. Незнакомые, чуждые и жуткие слова рождались у нее в груди. Замер весь мир, застыл напротив Штамир в потоке раскаленного полудня, с уже занесенным над незащитной головой мечом. Он был злом, величайшим злом за всю ее маленькую и скучную жизнь...

И кто-то неизмеримо более могущественный и гораздо древнее, чем сама Лазурь, пришел к ней на безмолвный призыв о помощи. Будто столп света вырвался из глаз Эвелины, сжигая все преграды на пути. Бесцветное пламя охватило пирата, пожирая его широко распахнутый в неслышном крике боли рот, проникая серебристой змеей в глазницы, обнимая все тело. В полной тишине погибал пират, от нестерпимого жара немо трещали его кости,

превращаясь в кучу золы, жарилось мясо, чадящим дымом устремляясь вверх.

Выдохнув последние струйки возмездия, Эвелина медленно осела в темноту небытия.

* * *

Колдунья плакала. Горе стало постоянным ее спутником за последние несколько дней. Беда сопровождала старуху во всех хлопотах по дому. Хотя какие хлопоты? Лишь молча сидеть у постели метавшейся в беспамятстве девочки, периодически плотнее укутывать худенькое тельце, которое колотил жестокий озноб, да шептать беспомощные слова заговоров, разом утратившие какую-либо целебную силу.

Эвелина принесла страшную жертву во имя спасения островитян. То неведомое возмездие, в пламени которого погиб пират, теперь медленно пожирало девочку изнутри. Нет, ребенок не сдался. Он из последних сил цеплялся за жизнь, боролся со смертью отчаянно, с вызовом. Напрасно. Эвелина медленно угасала. И не было на Лазури средства, чтобы спасти ее.

Как тяжело видеть страдания близкого человека. Если бы можно поменяться с ним местами! Колдунья умоляла Богов сжалиться над ребенком, даровать ему хоть надежду на существование... Безответно.

Мрак небытия глядел из глаз Эвелины в те краткие мгновения, когда она приходила в себя. Девочка не стонала и не жаловалась. Она хрипло дышала, каждым вздохом рискуя захлебнуться в лающем кашле. Колдунья не знала, какой приступ окажется последним для ребенка, когда Эвелина окончательно сдастся. Но краткие мгновения передышки между волнами безумия все сокращались и сокращались. И девочке все сложнее становилось приходить в сознание.

Островитяне помогали колдунье, кто как мог. В дом на окраине поселка они не заходили, стыдясь, видимо, смотреть на мучения той, кого так долго презирали. Зато у порога старуха ежедневно находила скромные подношения жителей Лазури. Кто-то жертвовал семейные обереги, чаще — откупались едой.

Черствел дарственный хлеб. Некому было преломить его за здравие умирающего ребенка. У колдуньи кусок в горло не шел. А талисманы возвращались хозяевам. Разве может помочь благословение, дарованное другому, в борьбе с чужими проклятиями?

Старуха горестно вздохнула и насторожилась. Надавила на уши неожиданная тишина. Охнув, она поспешила к постели девочки. Неужто не уберегла, не удержала ее хотя бы на грани перехода?

Эвелина спокойно лежала, вытянувшись по струнке под скомканной, пропитанной потом простыней. Быстро-быстро шептали что-то непонятное обескровленные долгой безуспешной борьбой губы, а глаза так и бегали под плотно прикрытыми веками. Старуха нерешительно взяла ребенка за исхудавшее запястье, проверяя пульс. Сердечко билось рывками, то замирая, то пускаясь в бешеный скач, но все-таки билось.

Вдруг девочка резко выдернула руку. Тяжко застонала. Колдунья метнулась за травяным настоем. Пусть малая, да подмога.

— Исполни свое обещание, ведьма! — Громкий голос заставил старуху подскочить на месте, опрокинув на пол запотевший кувшин с целебным отваром. Крынка, жалобно звякнув, разбилась. Не смея поверить собственным ушам, колдунья обернулась. Эвелина все так же

лежала на кровати, но губы ее шевелились будто против воли, что создавало комичный, а оттого еще более пугающий эффект. Да и вряд ли девочка могла говорить так отрешенно и властно.

— Ты обещала мне! — Неведомый собеседник явно гневался.

— Что... Что я обещала? — заикаясь от испуга, спросила колдунья.

— Спаси мою дочь. — Эвелина еще раз застонала. На этот раз тихо и жалобно, как плачет несправедливо обиженный ребенок.

— Если бы это было в моих силах, — быстро забормотала старуха, оправдываясь. — Я бы все отдала во имя девочки.

— Врешь, — жутко улыбнулась Эвелина. — Ты даже не в силах вспомнить, в чем поклялась мне тринадцать лет назад на берегу океана.

— Эльза? — тихо прошептала колдунья. — Но как?

Эвелина с горловым клекотом захрипела. Выгнулась и заколотилась в припадке. Потом медленно осела. Старуха кинулась к ней. Обтерла влажным прохладным полотенцем пышущее жаром тельце, запрокинув голову ребенку, насильно влила сквозь стиснутые зубы пару глотков травяного настоя. По большей части тот пролился на шею Эвелине, но колдунье хотелось бы верить, что хоть часть лекарства попала по назначению. А потом старуха села и крепко задумалась. Действительно, ребенок попал в беду. И не было на Лазури человека, способного помочь ему. Чем рискует колдунья? Обещания, даже данные давно умершему человеку, необходимо исполнять. Пусть и не веря, что глупая задумка Эльзы способна облегчить страдания Эвелине. Хотя, может быть, мертвым виднее? Зачем-то они находят способ напомнить о долгах живых перед прошлым...

Колдунья дождалась вечера, когда улеглась дневная жара, но еще не пришла тьма. Ожили пугучи, громко застрекотали цикады. Из распахнутого настезь окна ощутимо потянуло вечерней прохладой. Эвелина затихла, свернувшись клубочком.

Старуха долго сомневалась, не решаясь оставить ребенка одного. Стояла около порога, мысленно прикидывая время, которое ей может понадобится на путь туда и обратно. По самым скромным подсчетам, уходило никак не меньше двух часов. Сначала переплыть на соседний остров. Нет, неправильно. Сначала доковылять до лодок. Найти человека, способного переправить ее на соседний остров и забрать оттуда. Предположим, с этим проблем не должно возникнуть. Островитяне с радостью сейчас выполнят любую просьбу старухи, какой бы дикой она им ни казалась. Слишком мало времени прошло с той поры, как пираты в подавленном молчании и спешке покидали Лазурь. Они даже оружие своего предводителя не рискнули забрать, так и оставив ржаветь на пляже меч Штамира. Кости погибшего колдунья сама закидала песком. Незачем привлекать стервятников Младшего Бога, падких на стенания непогребенных.

На соседнем острове начнется самое сложное. Попробуй с больными ногами доковылять к прибрежным скалам. А главное — вскарабкаться на их вершину, где гнездятся чайки. Поймать-то их без силка сложновато не то что старухе — даже человеку в самом расцвете сил. Поймать — и назад. Но даже отмеренного времени маловато. Надо брать с запасом. Кто же побудет с Эвелиной? Островитяне, даже чувствуя свою неправоту перед ней, не шибко-то стремились сменить колдунью в скорбном карауле подле постели ребенка.

Колдунья вздохнула еще раз и вышла из дома. Хуже, увы, не станет. Если Эвелина не доживет до ее возвращения — на то воля Богов. Вряд ли ей особо помогают слезы колдуньи да бесполезные примочки.

Тяжко идти. Будто на ногах свинцовые оковы. Ломит спину. И знаешь, что надо спешить, а не можешь. Каждый миг оглядываешься, пытаешься услышать: вдруг девочка очнулась, вдруг зовет тебя, умоляя о глотке воды. Но нет. Нельзя возвращаться.

Колдунья и впрямь быстро нашла желающего помочь ей. Долго кряхтела, усаживаясь поудобнее в углой лодчонке, все норовящей зачерпнуть воду бортом. Потом закрыла глаза и отключилась. Запомнила только, как лезла на скалу, обдирая в кровь руки об острые камни. Еще запомнила, как кричала, срывая голос, детскую песенку-приманку, как откуда-то сверху на плечо ей камнем упала крупная белая чайка и, склонив голову, задумчиво глянула черной бусинкой глаза.

Вроде бы рыбак опасливо косился на старуху, которая тихо беседовала с птицей на непонятном языке. Вроде бы за ней до самого дома следовала толпа встревоженных островитян, которым она приказала расходиться. На удивление послушались. Неважно. Колдунья очнулась, лишь когда ритуальный нож, на миг безжалостно сверкнув лучом заходящего солнца, аккуратно провел ровную линию разреза по ладони ребенка. С пальцев девочки быстро закапала кровь. Колдунья на миг испугалась, но чья-то чужая непреклонная воля вновь взяла над ней верх.

Перед глазами старухи еще стояло видение четкого отпечатка детской ручонки на гладких перьях птицы, а чайка уже скрылась в темнеющих облаках. Без записки. Без напутственного заклинания. Да и какую дорогу ей указывать, если не веришь сама, что помощь придет... Но лишь тогда колдунья вздохнула спокойно, уверенная, что все сделала правильно. Впрочем, она ли выполнила напутствие Эльзы? Да кто бы ни руководил ее рукой этим вечером, теперь оставалось одно — ждать. Колдунья плотнее подоткнула одеяло под девочкой, на скорую руку перетянула порез тряпкой и прикорнула рядом. Вряд ли гости придут скоро, — хотя по силам ли вообще чайке пересечь океан?

Глубокий лиловый сумрак накрыл кроны деревьев, окутал пустынные улочки спящего поселка и ласковым зверем вальяжно разлегся на обезлюдевших островах. Эвелина мерно и глубоко дышала, в очередной раз благополучно пережив день. Незаметно задремала и колдунья.

А поутру над островами царило солнце. Легкий ветерок поигрывал старыми пыльными занавесками. Колдунья встрепенулась. Посмотрела с испугом на Эвелину. Спит, горемычная. Разметалась по перине, душно ей. Волосики темненькие от испарины слеглись, ко лбу прилипли. Но вроде бы лучше ей. Уже нет хриплого того свиста, что из груди при каждом вздохе вырывался раньше. И щеки разрумянились, а жар улегся.

Встала старуха, пошла умываться. Под нос колыбельную замурлыкала. Вышла — обомлела. Высыпали все жители Лазури из домов. Стоят, на небо пальцами показывают, горячо спорят о чем-то. Перевела взгляд.

Над Лазурью кружил огромный серый коршун, будто выбирая место, где сесть. Заложив новый вираж, он сложил крылья и рухнул вниз. Люди ахнули. Ахнула и старуха. Но около самой земли, каким-то чудом в последний момент остановив падение, птица когтистыми лапами пропорола землю, пробежалась немного вперед. А потом, встряхнувшись, теряя стремительно перья, на ходу превратился в очень измученного, взъерошенного мужчину. Незнакомец направился к колдунье.

— Я здесь. Кто меня звал? — просто спросил он.

Колдунья едва поспевала за неожиданным гостем. Он вихрем ворвался в ее захудалое жилище, даже не дослушав рассказа ведьмы до конца. Бросился к кровати девочки. Замер, вслушиваясь в тяжелое дыхание ребенка. Затем мягко провел рукой по лбу Эвелины, стирая маленькие капельки пота. Девочка так и потянулась к его ласке.

— Давно это с ней? — отрывисто спросил мужчина.

— Сегодня пятый день.

Незнакомец сел у изголовья постели и принялся что-то считать, усердно загибая пальцы.

— Вот что, старуха, — наконец сказал он. — Приготовь-ка мне горячий сытный обед. А я пока хорошенько вымоюсь и приведу себя в порядок. До кризиса у нас почти сутки. Подготовиться успеем.

— Как до кризиса? — тихо охнула колдунья. — Будет еще хуже?

Мужчина лишь криво ухмыльнулся, да так, что старуху с места сорвало. Она захлопотала по хозяйству, накрывая на стол. Чуть погода довольно зафыркал на заднем дворе незнакомец. Ведьма осторожно выглянула в окно и охнула второй раз. Нежданный гость с удовольствием мылся, не жалея натасканной еще Эвелиной воды. А из-за забора с интересом и испугом следили за ним жители Лазури.

— Спинку не потрете? — спросил мужчина у особенно любопытной особы, дальше всех высунувшейся за пределы ограды. Молодая женщина, пунцовая от смущения, под дружный хохот соседей бросилась прочь.

Примерно через час незнакомец, завернутый в чистую простыню, чтобы не смущать старую женщину, уже всю опустошал запасы съестного и щедро запивал огромное количество поедаемого домашним пивом. Колдунья тем временем приводила в порядок его одежду: тяжелый, богато вышитый плащ, сорочку из тончайшей материи и широкие штаны из плотной ткани. Оружия у гостя не оказалось. Да и не походил он на воина, говоря по правде. Слишком хилое было у незнакомца телосложение. Нельзя сказать, чтобы тот казался совсем дохляком. Наверное, мужчина мог бы дать в поединке несколько очков форы любому обитателю Лазури. Высокий рост, четкие движения, острый взгляд карих глаз. Но по сравнению с тем же Штамиром гость выглядел проигрышно.

— А теперь по порядку, — приказал мужчина, с явным сожалением отодвигая пустую тарелку подальше. — Рассказывай все, что знаешь о девочке. Благо, время еще есть.

Колдунья начала издалека, с приезда молодой семьи на острова и с опасений Эльзы. Более подробно описала ночь гибели молодой женщины и смерть Элдрижа. Незнакомец не перебивал. Лишь задал несколько уточняющих вопросов. Потом старуха перешла к визиту пиратов на остров. Долго молчала перед рассказом о поединке Штамира и Эвелины. Упомянула и о недовольстве Эльзы, заставившей ее исполнить давнишнее обещание. Гость лишь недоуменно хмыкнул, но промолчал.

— Вот и все, — закончила свой долгий монолог колдунья и потянулась за водой, чтобы смочить пересохшее горло.

— Чем ты ее лечила? — поинтересовался мужчина.

— Практически ничем, — пожалала плечами колдунья. — Травы да заговоры.

— Будем считать, девочке повезло, — незнакомец встал и потянулся. — Если бы ты еще

немного промедлила, завтрашнее утро девочка встретила бы в обители Богов. А так у нас есть шанс. Пусть небольшой, но все же.

— Вы поможете ей? — с мольбой в голосе спросила ведьма.

— Сделаю все, что в моих силах, — серьезно сказал мужчина. — Как-никак племянница моя. Кстати, зови меня Ронни. Твое имя не спрашиваю. И так вижу, какую жертву принесла для ритуала посвящения.

— Но как? — изумилась ведьма.

— Потом, — отмахнулся гость от всех вопросов разом. — Сейчас время терять нельзя. Я пошел спать. Очень много сил потерял на перелет сюда. А ты следи. Если Эвелина начнет разговаривать — сразу меня буди. На припадки не обращай внимания, это пустое, только предвестники.

С этими словами Ронни завалился на кровать старухи и тотчас засопел, оставив колдунью в одиночестве.

Та прибрала остатки обеда, побродила по комнате. Постояла в задумчивости над Эвелиной. А потом и сама тихо прикорнула в уголке.

Проснулась она резко, словно от пощечины. Подняла голову и обомлела. Ронни стоял над ребенком с простертой перед собой рукой, а с пальцев его лился холодный голубоватый свет. Хотела было колдунья у него спросить, что случилось, но мужчина лишь головой мотнул недовольно. У старухи слово в горле и застряло. А девочка вдруг раскрыла глазенки, обведенные черными кругами страдания, улыбнулась нехорошо.

— Пришел все-таки, — хрипло произнесла.

Ронни сразу отдернул руку. Постоял, подумал, подтащил стул поближе к кровати.

— Недовольна? — спокойно переспросил мужчина, усаживаясь около девочки.

— Тебе все равно не спасти ее. — Эвелина заворочалась, устраиваясь поудобнее.

Неожиданно ловко взбила подушку, подложив ее себе под спину. Ронни не мешал ребенку, просто наблюдал с едва заметным любопытством.

— Зачем тебе девочка? — Мужчина откинулся на спинку стула.

— Почему бы и нет? — Эвелина равнодушно пожала плечами. — Добыча не хуже и не лучше других. Если уж требуешь возмездия, будь готов заплатить за него равнозначную цену.

— Брось, — лукаво протянул Ронни. — Это же ребенок. Обычный маленький ребенок, который еще не знает всех законов магии.

— Однако магия — единственное занятие, которое получается у него хорошо, — перебила девочка. Задумчиво перевела взгляд на колдунью. Ту пробил холодный пот. На бледненьком личике девочки черными провалами в другую реальность зияли дыры глазниц. И оттуда кто-то оценивающе посмотрел на старуху, будто решая: жить той или умереть.

— Послушай, ты знаешь, и я знаю, что, будь все так просто, Эвелина бы уже умерла, — Ронни милосердно загородил спиной колдунью, и та облегченно вздохнула. — Поторгуемся?

Девочка засмеялась. Точнее, попыталась, но быстро захлебнулась в лающем кашле.

— И что ты можешь мне предложить? — откашлявшись, спросила она. — Золото? Жертвоприношения? Или подаришь мне имя? Не смейся. То, что действительно мне интересно, у тебя не хватит духу выставить на торги.

— Но ты ведь заговорила со мной? — Мужчина резко подался вперед. — Значит...

— Это ничего не значит, — отмахнулась девочка. — Быть может, мне просто приятно с тобой общаться. Не так уж часто мы встречаемся.

— Я бы с радостью не видел тебя вообще никогда.

— Не получится, дорогой. Я первая в очереди за твоей жалкой душонкой. И тебе не замолить грехи, Высокий. Младшая Богиня умеет быть терпеливой.

— Похоже, разговор зашел в тупик. — Ронни встал и скрестил руки на груди. — Мне нечем выкупить Эвелину. И нечего предложить взамен. Но я не отдам ее так легко.

— Кто бы сомневался, — выпрямилась девочка. — Предлагаешь сразиться? Пустое. Ты проиграешь.

— Вероятнее всего. Но я попробую.

— Стой! — приказала Эвелина. Надолго задумалась, будто решая в голове какую-то сложную задачу. Наконец приняв решение, сказала. — Я отдам тебе девочку. Без дополнительных условий. Если она сумеет пережить боль, которую испытал этот жалкий пират перед смертью, то она твоя.

— Но почему? — изумился Ронни. — К чему тогда разговор?

— А вдруг я и вправду соскучилась? — лукаво ответила Эвелина. И неожиданно серьезно сказала: — Мне жаль, Высокий. Но наша следующая встреча станет для тебя последней.

— Жаль? — еще больше удивился маг.

— Ты не поверишь, но терять врагов иногда больнее, чем друзей, — печально вздохнул ребенок. — Хотя в нашем случае все будет куда более прозаичным.

— Я найду способ.

— Не думаю. — Эвелина помолчала и добавила: — За спасение девочки можешь не благодарить. Ее смерть сейчас невыгодна Богам. Справедливости не бывает много.

— Что?

Вместо ответа ребенок захрипел. Девочка выгнулась дугой, беспорядочно колотя руками в воздухе. Закричала, задыхаясь от боли. Старуха содрогнулась. Она ни разу в жизни не слышала вопля, так наполненного страданием. Ронни бросился вперед.

— Что застыла? — зло бросил назад. — Я один не справлюсь.

Колдунья скривилась от боли, когда маг грубо схватил ее за плечо. Таким Ронни она еще не видела. Черты его лица вмиг заострились. Куда-то пропали веселость и легкость. И проступило что-то неумовимо опасное и жестокое.

Сила переполнила старую женщину. Казалось, даже волосы встали дыбом от насытившего все ее существо чувства мощи. Вот проведи по волосам — искры посыплются на пол.

Но через мгновение все закончилось. Сила потекла прочь. Через мельчайшую пору кожи, через мертвую хватку мага она сочилась к бьющемуся в агонии ребенку. Старуха рухнула на колени, слабея. Ронни буркнул что-то ругательное и легко отшвырнул колдунью прочь. Женщина безропотно отлетела к стене, не в состоянии протестовать. Она знала: еще пара минут подобного донорства — и ей уже не жить. Теперь только маг возвышался над Эвелиной, которая наконец перестала кричать. Только выла на одной протяжной ноте. Прозрачное пламя окутало фигурку девочки.

А потом все кончилось. Мужчина зашатался, хотя все же устоял на ногах, устало смахнул пот с лица. Замолкла и Эвелина. Колдунья всхлипнула.

— Хватит рыдать, — вполголоса прикрикнул на нее Ронни, опускаясь измученно на стул. — Тащи свои эликсиры, ведьма. Теперь для них самое время.

Словно в подтверждение этих слов, девочка тихонько застонала.

— Эликсира Силы не прошу, — продолжил Ронни и даже пошутил: — Где же его взять в

такой глухомани. Отвар пустоголова — для меня. Но позже. Немедленно для девочки настой полыни в равных долях с орляком. И воды. Много воды. Больше, чем сможешь принести за раз.

Колдунья поковыляла во двор. Предательски тряслись ноги после пережитого, но тело быстро и умело выполняло распоряжения мага.

Ей пришлось раз пять сбегать к роднику, прежде чем Ронни удовлетворенно кивнул. Она и не подозревала, что на подобные подвиги еще способна. Тихий плач Эвелины подстегивал старуху, заставляя суетиться по хозяйству.

Ронни ловко сдернул с девочки мокрую насквозь от пота рубашку. Окатил ее ледяной водой. Ребенок аж подавился слезами. Затем он туго запеленал Эвелину в шерстяное одеяло. Взял на колени и начал терпеливо отпаивать племянницу отваром. Колдунью передернуло. Горечь какая. Но девочка не возмущалась — напротив, с удовольствием выпила кувшина два отвратительного пойла. И наконец-то успокоилась. Доверчиво прильнув к магу, обхватив его шею тоненькими ручонками, впервые за долгое-долгое время маленькая колдунья мирно заснула.

Ронни, что-то ласково мурлыча под нос, еще долго укачивал Эвелину, бережно расчесывая ее спутанные волосы. А колдунья со слезами на глазах смотрела на седину, инеем покрывшую виски воспитанницы.

* * *

Потянулось тягостное время выздоровления. Эвелина, все еще слабая после пережитого, первое время практически не отрывала головы от подушки. Большую часть суток она дремала под неусыпным надзором колдуни. Иногда просила пить. И никогда — есть. Старухе приходилось самой почти насильно вливать ей в горло питательный бульон и разнообразные отвары, рецепты которых ей подсказывал Ронни. Сама колдунья никогда бы не догадалась, что лекарственные травы можно брать в столь немислимых пропорциях. Но девочке такое лечение шло на пользу. Не прошло и недели, а Эвелина уже могла прямо сидеть на кровати. Вставать, впрочем, не пыталась. Да и вряд ли Ронни позволил бы ей подобное безрассудство.

Сам же маг вполне оправился после схватки с неведомым. Наверное, помогли почти двое суток непрерывного сна. А потом он развил бешеную деятельность. Тщательно исследовал все островки архипелага. Переговорил с жителями Лазури, причем на удивление вежливо. Ни слова упрека от него никто не услышал. И в первую очередь его интересовали способности девочки. Он не брезговал ни крупицей информации. Восстанавливал жизнь маленькой знахарки заново, буквально по минутам и часам. Долго и нудно расспрашивал старуху, задавая сотни раз одни и те же вопросы в разных сочетаниях.

Через пару дней колдунья начала всерьез думать, что теперь маг знает девочку намного лучше островитян. Да что уж там говорить — лучше самой наставницы.

Ронни очень много времени провел на берегу, где погиб Штамир. Разыскал покореженный неведомой силой меч пирата, даже кости его не постеснялся потревожить. Старуха испугалась, что он вздумал вызвать дух погибшего бандита. Обошлось. Маг нарисовал на песке загадочные знаки, которые почти сразу же смыло волной. Затем похоронил жалкие останки на местном кладбище. Не поленился принести жертвы четверем

Богам и Судьбе. Про стихии тоже не забыл.

На взгляд колдуньи — Ронни чересчур щепетильно отнесся к погребению Штамира: подобных почестей пират не заслуживал. Вряд ли бы тот заботился о соблюдении ритуала по отношению к загубленным им душам: незачем отрезать давать шанса на перерождение.

— Мы не Боги, чтобы иметь право судить, — посмеялся над недовольством старухи чужак.

О погибших родителях Эвелины маг не спрашивал. А если речь и заходила случайно об Элдриже и его жене, то незаметно переводил разговор на другую тему. Колдунья до сих пор так и не узнала, кому же из родителей девочки Ронни приходится братом.

Но что действительно волновало мужчину — так это обстоятельства рождения Эвелины. Он заставил колдунью до мельчайших подробностей восстановить разговор с Эльзой, вспомнить малейшие переливы проклятой звезды в ту ночь. У колдуньи мелькали подозрения, что маг не погнушался распотрошить без спроса ее память: уж больно плохо она чувствовала себя один день. Все будто дымкой затянуло. И воспоминания — яркие, как живые. Улыбающаяся Эльза. Неподдельное горе Элдрижа. Пляска красных теней в глазах Эвелины. Последнее — особенно часто.

Странно: после того дня изматывающие расспросы прекратились. Ни на шаг не отходил Ронни от постели колдуньи, пока той не полегчало, пока не отпустила боль где-то глубоко внутри, а слезы не перестали сами капать.

— Прости, — это все, что он ей сказал на следующее утро.

Маг даже зачем-то залез на гору, где Эвелина любила собирать сырье для многочисленных снадобий. Из этого путешествия он вернулся задумчивым и долго сидел у постели девочки молча, напряженно вглядываясь ей в лицо, будто силясь открыть что-то.

Впрочем, Ронни всегда чувствовал, когда больной нужна его помощь. Поэтому он оказывался в домике колдуньи буквально за миг до пробуждения ребенка. С Эвелиной маг был добр и ласков. Чужак мог сутки не отходить от ребенка, сторожа его сон. Стоило Эвелине лишь поморщиться — и Ронни был уже рядом, с какой-нибудь сумасбродной веселой историей.

Эвелина еще не смеялась над его рассказами, но уже улыбалась. Точнее, заново училась улыбаться, робко растягивая губы в какую-то непонятную гримасу радости и страха одновременно. Будто ожидая, что каждое ее движение приведет к новой вспышке боли. Но она начала разговаривать. Сперва несмело, односложно, надолго затихая после произнесенного слова, словно забывая, о чем шла речь. Маг не торопил ее. С настойчивостью и терпеливостью истинного наставника он проводил часы, создавая видимость диалога. И его усилия оказались вознаграждены. Через пару дней девочка составила первую связную фразу. А через неделю вполне могла поддержать разговор.

Эвелина, чего уж таить, привязалась к Ронни за время, проведенное с ним.

Колдунью пугало это. Она слишком хорошо помнила выражение лица мага в ночь кризиса. На плече старухи еще красовались синяки от стальной хватки чужака, когда он высасывал из нее последние крохи силы. Нет, женщина не держала на него зла. Маг действовал абсолютно правильно. Иначе бы Эвелина не выжила. Но в голове у колдуньи не укладывалось — как под такой внешне обманчивой оболочкой весельчака может скрываться настолько жесткий и властный человек. Подчас, в разгар оживленной беседы с односельчанами, старуха перехватывала внимательный взгляд мага, которым он искоса оценивал собеседника. А сам Ронни в этот момент мог заразительно хохотать. Нет, колдунья

решительно его не понимала. И не хотела понимать.

Старуха боялась за Эвелину. Слишком сильно девочка прикипела душой к неожиданному родственнику. Слишком много горя пришлось перенести ребенку за свою недолгую жизнь. Колдунья была готова на все, чтобы не допустить больше предательства в ее существование. Поэтому она и решилась на непростой разговор с магом.

Подходящий случай представился на удивление скоро. Будто маг сам ждал этого.

— Ты хотела поговорить со мной? — неожиданно спросил Ронни колдунью. Эвелина только-только задремала, и старуха мысленно возносила благодарность Богам за еще один благополучно прожитый день. Поэтому она не сразу поняла, что хочет от нее чужак.

— Ну же? — нетерпеливо подбодрил ее маг. — Что тебе не нравится во мне?

— Почему? — начала колдунья смущенно. Потом, откашлявшись, продолжила более твердо: — Почему ты решил, что мне в тебе что-то не нравится?

— Для этого не надо быть магом. — Ронни помолчал и сухо продолжил: — Твои взгляды чересчур красноречивы, когда ты думаешь, что я занят и не обращаю на тебя внимания. Притом не забывай: я все-таки Высокий. Чтобы скрыть свои мысли от меня, старуха, тебе понадобится более значимая защита, чем сушеные корешки и давно зазубренные слова ничего не значащих присказок-заклинаний.

— Ты жесток, — удивленно протянула колдунья.

— Разве не откровенности ты ждала от меня? — равнодушно пожал плечами чужак. — Мне плевать на то, что ты обо мне думаешь, старуха, но ты воспитала Эвелину. Поэтому я несколько тебе обязан. Собственно, будет совершенно лишним, если ты начнешь настраивать девочку против меня. Если бы Эвелина не любила тебя, я бы нашел способ справиться с этой проблемой. Только тебе это вряд ли бы понравилось. А я не хочу огорчать племянницу. Так что сначала предпочитаю выяснить все в открытую. А там посмотрим.

— Я... — Колдунья опешила. Она не ожидала такой откровенности от Ронни.

— Смелее, старуха. — Маг брезгливо поморщился. — Я уже сказал. В мои планы не входит причинять тебе вред.

— Я просто не понимаю, как в одной душе могут уживаться такие разные люди, — выпалила колдунья и замерла, ожидая наказания за свою дерзость. В ответ мужчина усмехнулся, а потом и от души рассмеялся.

— И это все, что тебя беспокоит? — продолжил допрос маг, отсмеявшись.

— Нет, — твердо отрезала колдунья. — Мне страшно за девочку. Она не переживет нового предательства. Ты стал для нее отцом. И я боюсь, что, насколько легко ты сейчас завоевал расположение Эвелины, настолько же запросто потом ты втопчешь ее в грязь.

Ронни, вопреки ожиданиям колдуньи, ответил не сразу. Маг долго с любопытством разглядывал старуху, будто изучал какую-то неведомую зверушку. Затем с почтением поклонился ей. Когда он выпрямился, в его глазах не было и тени насмешки.

— Я клянусь тебе, — очень серьезно сказал чужак. — Я никогда не обижу Эвелину. Я всегда буду поступать лишь во благо ей. Она кровь от крови, плоть от плоти моего брата. Она принадлежит моему роду. Я буду защищать ее, что бы ни случилось. Я перегрызу глотку любому, кто осмелится обидеть ее. Для меня семья — все.

— Ты обещаешь? — подалась колдунья вперед.

— Высокий маг дважды клятв не повторяет, — повторил чужак. — За твою верность я, пожалуй, помогу тебе, ведьма. Ведь именно ты ответственна за ритуал принятия имен. Я готов самолично провести его. Благо равенство скоро — через десять дней. Это великая

честь, старуха, для тебя и твоих соплеменников.

— Я знаю, — задумалась колдунья. — Эвелине исполнилось двенадцать, — наконец произнесла она. — Для нее тоже пришел черед вступить в ручей безымянной.

— К чему ты клонишь?

— Позволь мне дать ей имя.

— Ты точно осознаешь, на что идешь? — Мужчина помолчал немного и, не дождавсь ответа, продолжил: — Эвелина вскоре станет великой колдуньей. И твоя просьба ставит меня в неудобное положение. Я буду вынужден соблюсти определенные правила. Прежде всего во имя безопасности девочки.

— Я все понимаю, — старуха понурила голову. — Но так будет лучше. И в первую очередь — для нее самой.

— Боюсь, девочке будет тяжело смириться с подобной жертвой.

— Ты можешь сказать ей после.

Ронни еще раз поклонился старой женщины.

— Да будет так, — чуть слышно пробормотал он. Удивительно, но колдунье в его голосе послышалась печаль.

* * *

Приближался день осеннего равноденствия. Небо все чаще и чаще покрывалось облаками. Ощутимо повеяло холодом. Океан с глухим рычанием набрасывался на берег, словно предчувствуя время своего полного триумфа. Солнце, прежде безжалостно-жаркое, подернулось еле заметной дымкой. По утрам старуху будил тоскливый крик птиц, готовящихся к долгому путешествию, из которого не всем суждено было вернуться живыми.

Эвелина окрепла настолько, что Ронни разрешил ей небольшие прогулки. Сам, впрочем, предпочитая оставаться неподалеку. Девочка с удовольствием пользовалась дарованной ей милостью, долгие часы проводя вне дома. Колдунья не боялась за нее. Она лишь молила небеса и Богов, чтобы девочка сумела когда-нибудь полностью оправиться от перенесенного удара.

С той роковой схватки Эвелина еще ни разу не прибегла к магии. Она будто потеряла к ней способность. И красное пламя бешенства, что раньше так часто вспыхивало, больше не загоралось в темных и спокойных очах ребенка. А вот седина на висках становилась все заметнее и заметнее по мере отрастания волос. Старуха попыталась было приготовить какую-нибудь притирку, чтобы скрыть итог страшного колдовства. Пустое. Ронни лишь посмеялся над ее тщетными усилиями.

— Метки Младшей Богини не убрать так запросто, — мимоходом заметил он, наблюдая, как тщательно колдунья вычесывает шевелюру ребенка костяным гребнем, вымоченным в крутом отваре чернильника, чей сок оставлял на руках темные, почти черные, с трудом смываемые разводы.

Колдунья тем временем начала подготовку к ритуалу принятия имен. Она неспешно обошла дома Лазури, в которых подрастали сверстники Эвелины. Собрала деревенскую сходку, на которой во всеуслышание заявила о желании Ронни самому провести таинство. Островитяне не возражали. Здесь привыкли уважать магию. В силе же чужака сомневаться не приходилось.

Старуха любила время ритуала, когда весь мир находится на грани межсезонья и кажется, что все поправимо, что следующий виток года будет лучше предыдущего. Неудивительно, что именно осенью и весной сорванцы-мальчишки чаще всего пробирались на корабли, мечтая о бегстве на большую землю.

Впрочем, на этот раз ребятня напрасно прождала визита моряков. Набег пиратов внес свои коррективы. И следующего торгового судна надо было ждать еще добрых полгода — пока минет сезон штормов.

— Мы покинем Лазурь сразу после ритуала, — однажды сухо бросил Ронни колдунье. Та чуть слышно охнула: так мало времени осталось.

— Но это опасно, — робко запротестовала женщина.

— Поверь мне, уж с грозой-то я сумею совладать, — криво усмехнулся маг. — И так я провел здесь больше времени, чем рассчитывал.

— Девочка слишком слаба, чтобы с помощью магии преодолевать большие пространства, — продолжала противиться старуха.

— Разве тут кто-то говорил про магию? — удивился маг.

На этом разговор и закончился. Маг явно не хотел говорить больше, чем сказал, а колдунья опасалась настаивать.

Старуха старалась все свободное время отныне проводить с Эвелиной. Она с горечью думала о предстоящем расставании. Девочка помогала колдунье привести дела в порядок, разложить высушенные травы по многочисленным мешочкам, расставить старинные фолианты на ветхих полках.

Ронни между делом просмотрел скудную библиотеку старухи. Какие-то книги он отложил сразу в сторону, даже не открывая, какие-то бегло пролистал. А над одним древним пергаментом он провел долгие часы, силясь разобрать причудливую вязь символов. Старуха с радостью отдала рукопись магу. Не жалко.

В ночь перед ритуалом колдунья долго не могла уснуть, волновалась. Как обычно, впрочем. Все боялась: вдруг стихии разгневаются на несчастных людишек и дожди придут раньше обычного. В канун весеннего равноденствия колдунья точно так же опасалась, не затянется ли холодная погода.

Беспокойство оказалось лишним. Утро порадовало неожиданным теплом, хотя серые небеса сочились влагой. Даже не дождик накрапывал — мелкие капельки тумана оседали на коже.

— Ты готова? — ласково спросил Ронни девочку.

— Готова, — без тени улыбки ответила та. И вновь сердце колдуньи кольнула острая игла тревоги. Слишком скоро их пути навсегда разойдутся в разные стороны.

Ронни действительно серьезно отнесся к ритуалу. За неделю до положенного срока маг вызнал у колдуньи мельчайшие особенности таинства, принятые на архипелаге. Зачастую сам процесс принятия имени разительно отличался по империи. В каждом местечке существовали свои нюансы. Поэтому колдунья лишь порадовалась настойчивости, проявленной чужаком. Незачем обижать островитян невнимательностью к традиции.

Колдунья умело делала привычную работу. Накануне на берегу ручья построили просторную купель, земляной пол которой застелили мокрым пахучим разнотравьем. По стенам Ронни развесил букеты водных лилий, которые причудливыми гирляндами спускались к самой воде. Чтобы удобнее было спускаться и подниматься, в раскисшем от непогоды крутом берегу выкопали широкие ступени. Для надежности тут же установили

поручни, за которые можно было держаться.

Наконец все было готово. Оставалось лишь дожидаться вечера. Еще никогда, пожалуй, время не тянулось для колдуньи так долго. Она заплела волосы Эвелины в высокую замысловатую прическу, постаравшись как можно лучше спрятать седые пряди. Достала из сундука тщательно оберегаемую обновку для девочки — просторное белое платье с длинными рукавами. Ронни не вмешивался в суетливые сборы старухи, будто признавая за ней право первенства в деле подготовки к ритуалу. Эвелина терпеливо переносила повышенное внимание колдуньи к себе. Лишь один раз она ловко перехватила сухую морщинистую руку женщины и прижала ее к сердцу, безмолвно благодаря за заботу. У колдуньи защипало в глазах. Старая женщина долго беспомощно моргала, удивляясь, почему вдруг очертания мира так неожиданно расплылись.

По негласному уговору между колдуньей и Ронни, Эвелина последней принимала имя. Сначала через ритуал пройдут островитяне, которых, впрочем, было не так много. Небольшая группа испуганных ребятишек жалась в сторонке от купальни. Два мальчугана и три девочки. Жители архипелага толпились неподалеку. Особенно переживали родители детей. Матери вполголоса давали последние указания, отцы держали наготове теплую одежду.

Эвелина спокойно дожидалась своей очереди. Она зябко переступала босыми ногами по слякоти, иногда поеживаясь от чересчур сильного порыва ветра. Тот гнал низкие тяжелые клубы тумана, наполненные дождем.

Заката не было видно. Просто сумрак, прятавшийся под кронами деревьев, постепенно осмелел и пополз по земле. В подступившем сумраке запылали смоляные факелы, приготовленные заранее. Ронни переглянулся с колдуньей. Ритуал начался.

По одному дети заходили в широкий ручей. Маг пристально вглядывался в отражение волн, пытаясь разгадать судьбу ребенка. Потом, на берегу, постукивая веточкой серебрянки по плечам ребенка, чужак тихо шептал ему на ухо пару слов. Колдунья так часто проделывала подобное раньше, что могла с закрытыми глазами определить, как именно Ронни проводит таинство. Имя человека — сокровеннейшая тайна. Оно определяет саму суть бытия. Зная истинное имя, можно повелевать человеком, сделать его своим безропотным рабом, хуже — тенью. Да что там говорить. Можно даже отдать ему свои прегрешения, отправить вместо себя на суд Богов. Не дожившие до принятия имени вынуждены были вновь долго стоять в очереди душ, вымаливая право на перерождение. Именно имя сопровождает человека по веренице перевоплощений, ведет его по тернистому пути познания. Не выполнивший своего предназначения возвращался под тем же именем снова, пытаясь исправить ошибки. Или еще глубже погрязнуть в пучине упущенных возможностей.

Потому так важна была во все времена роль дарителя имени — проводника воли Богов. Потому и милость, дарованная Ронни островитянам, оказалась столь велика. Чужак покинет Лазурь, даже не вспомнив имен, данных в эту ночь детям. А они вырастут. И никто, никакой колдун, не сможет навязать им чужую волю. Величайшее счастье — быть настолько свободным.

Подспудно каждый из островитян не то чтобы уважал, но побаивался колдуньи. Они все были нареченными ею. Каждому старуха шептала на ухо в похожие ночи тайные слова. И при желании она могла уничтожить любого. Хотя в таких делах люди обычно страшатся не смерти.

Говорят, дарителя имени, который использует свои знания во вред нареченному, ждет ужасная кара. Но это лишь слухи. Или придуманное нарочно утешение. Кто знает?

Пришла очередь Эвелины вступить в ручей. Ронни, с вежливым полупоклоном, уступил свое место колдунье. Старуха, при каждом шаге тяжело припадая на сучковатую клюку, подошла к самому краю берега. Девочка тихо, без плеска, вошла в темные воды. Потом глубоко вздохнула и поплыла. От поверхности ручья поднимался легкий, но заметный пар, за которым почти потерялся силуэт ребенка. Колдунья ждала. Знака, знамения — чего угодно. Тишина. Только чуть слышный плеск волн и громкое уханье ночной совы где-то в глубине замершего в ожидании леса.

Девочка осторожно поднималась к колдунье. Белое мокрое платье всполохом мелькало во влажной тьме. Колдунья обмерла. Неужто Боги отказались от ребенка и тому не суждено будет обрести новую жизнь? Незаметным призраком скользнуть по поверхности бытия, не оставив и следа в памяти людей?

Чей-то мелодичный голос тихо рассмеялся на ухо колдунье.

— Не бойся, — весело шепнула тьма. — Твоя воспитанница не будет обделена вниманием Богов.

Из самого нутра старухи родился странный рокочущий гул. Глубокий вибрирующий звук заставил Эвелину остановиться в недоумении.

— Ближе, — приказали губы колдуньи. Не она — неведомый говорил с девочкой. Та подчинилась.

— Впервые ты на свет появилась, — сказала старуха.

— Едва ли, — насмешливо возразила ночь.

— Сквозь многое пройти должна.

— Должна, — подтвердило эхо.

— Сей путь тебе покажется непреодолимым. Но тебе суждено пройти его до самого конца. А с честью или позором — не нам решать.

Колдунья затаила дыхание. Древнее существо, поселившееся в ней, о чем-то глубоко задумалось. Эвелина покорно стояла рядом, ожидая своей участи.

— И имя тебе будет — Перворожденная, — наконец прогрохотало окрест. Старуха, ослабев, упала на колени, чувствуя, как ее покидает незванный гость. И лишь краем уха она уловила искаженный бессмысленный отзвук имени, отразившийся от другого берега:

— Данный.

Ронни первым подбежал к колдунье на помощь. Попытался приподнять.

— Стойте! — отмахнулась старуха. — Вы... Вы слышали имя ее?

— Мы все слышали, — серьезно ответил маг и тут же огорченно усмехнулся. — Но ничего не поняли. Мало кто из живущих ныне может разговаривать на умершем языке драконов. Честно говоря, до сегодняшнего дня я считал, что подобных знатоков не существует. Но, как видишь, ошибался. Ты удивила меня, колдунья.

— А ты поняла? — обратилась старуха к девочке.

— Да, — кратко ответила та.

— Тяжело не понять, когда к тебе обращаются Боги, — чуть слышно фыркнул в стороне Ронни.

Жители Лазури неспешно расходились по домам, готовясь продолжить празднование в тепле. Люди вполголоса обсуждали произошедшее, родители прижимали к себе детей, счастливые, что тех миновала подобная участь. На берегу через некоторое время остались только трое.

— Идемте, — мягко попросил Ронни, заметив, как мелко дрожит от холода Эвелина.

Колдунья спохватилась и заковыляла за теплой накидкой для девочки. Потом ласково накинула на плечи ребенку шаль, и они поспешили в мирное сонное тепло дома.

— Я бы многим пожертвовал, чтобы узнать, кто из Богов нарек тебя, девочка, — задумчиво прошептал маг.

* * *

Следующий день после ритуала издавна был посвящен Богам. Новоназванные приносили молитвы в ритуальных местах. Не стал исключением и этот раз. Колдунья с удовольствием взялась провести церемонию благодарения. Ронни не вмешивался. Он с утра удалился на противоположный берег острова, захватив с собой только скудную порцию еды.

Погода не заладилась. Небеса хмурились седыми низкими облаками. Ветер, на что-то заунывно жалуясь, недовольно бормотал в печной трубе. Девочка с большим трудом заставила себя вылезти из-под теплого одеяла. Колдунья уже давно была на ногах, наспех соорудив под пронизывающим дыханием осени недолговечные жертвенники.

— Вам помочь? — После завтрака девочка осмелилась составить компанию колдунье.

Старая женщина усмехнулась и усталым жестом откинула со лба слипшуюся прядь волос.

— Нет, доченька, я почти закончила. Да и негоже в таких делах глаз постороннего терпеть. Вырастешь, ума-разума наберешься, сама поймешь.

— Не думаю, что хочу это узнавать, — как-то обреченно улыбнулась Эвелина. — Слишком много боли приносит магия.

— От предназначения своего еще никому отказаться не удалось, — встревоженно сказала старуха.

— Если бы еще знать — в чем оно состоит, это предназначение, — печально заметила девочка. Потом отошла на пару шагов назад и критическим взглядом окинула плоды трудов колдуньи.

Колдунья, как и сотни раз до этого, выбрала небольшую рожицу около крутого каменистого склона, который полукругом отгораживал часть бухты. Обычные для Лазури чахлые деревца, получив неожиданное укрытие от ветра и щедрое питание в виде бурного ручья, в этом месте разрослись, образовав подобие настоящего леса. Хотя колдунья видела равнинный лес только однажды — в пору своей далекой юности.

Жертвенники образовывали правильный четырехугольник с высоким мшистым деревом посередине. Один угол упирался в исток родника, другой — в земляной холм, предварявший горный подъем. Остальные углы были обозначены на берегу океана.

У каждого священного места колдунья соорудила деревянный помост, на котором полагалось приносить дары за благополучное окончание ритуала.

— Все готово, — с гордостью произнесла колдунья. — Вечером начнем.

— Я никогда не молилась, — с тревогой призналась девочка. — Вдруг я сделаю какую-нибудь глупость.

— Пустяки, — отмахнулась старуха. — Главное — не мишура таинства, а его потаенная суть. Открой свое сердце. И на твои промахи люди не обратят внимания. А Боги — тем более.

— На твоём месте, Эвелина, я бы меньше всего беспокоился о том, что скажут или

подумают люди. — Громкий возглас заставил девочку со старухой удивленно обернуться. Ронни стоял возле одного из жертвенников, у которого была аккуратно сложена вязанка просмоленных толстых веток. Обычно невозмутимое лицо его сейчас светилось от внутреннего счастья, а озорная улыбка не сходила с губ.

— Ты выглядишь довольным, — осторожно протянула колдунья.

— У меня есть на то причины, — Ронни выдержал паузу и ласково обратился к девочке: — Я надеюсь, у тебя все готово к путешествию?

— Уже? — помимо воли вырвалось у старой женщины.

— Я ведь предупреждал тебя, старуха, — нарочито удивился маг. — Неужто ты решила, что моим словам не стоит верить? Зря. Сегодня ближе к полуночи мы покинем Лазурь.

Потом наклонился к колдунье и тихо шепнул ей на ухо:

— Ты ведь понимаешь, что это значит для тебя?

— Я сдержу свою часть договора, — также тихо ответила она. — Сдержи и ты свою.

— Можешь не беспокоиться об этом, — холодно кивнул маг. — Иди. У тебя еще много дел. До праздника благодарения имеется пара часов, тебе должно хватить этого времени. А я пока побуду с племянницей. Нам есть что обсудить.

Колдунья хотела было возразить, но, натолкнувшись на равнодушный взгляд Ронни, передумала. Подобрав с земли клюку, она, прихрамывая, поспешила домой.

Маг дождался, пока старуха скроется за ближайшим поворотом, и только тогда обернулся к Эвелине. Та пальцем задумчиво вычерчивала круги на ближайшем деревянном помосте.

— Расскажите мне про Богов, — неожиданно попросила девочка, не отвлекаясь от своего занятия.

— Про Богов? — недоуменно переспросил мужчина. — Зачем?

— Просто интересно, — протянула Эвелина и внимательно посмотрела на мага. — На островах редко про них говорят. Им не молятся. Им лишь приносят жертвы, чтобы оградить свой дом от ненужного внимания. Стихий боятся. Судьбе поклоняются и верят. А вот Богам... Для чего они нужны?

— Милая, — весело рассмеялся маг. — За такие слова в прежние времена тебя, пожалуй, сожгли бы. Хотя даже тогда считалось, что Боги достаточно сильны, чтобы самим покарать еретика.

— Значит, не расскажете? — вздохнула девочка. — Жаль.

— Ну почему же? — пожал плечами Ронни. — Время у нас пока есть. Но за это ты окажешь мне взаимную услугу. Впрочем, не слишком для тебя обременительную.

Сочтя молчание девочки за знак согласия, маг начал свой рассказ:

— В основе нашего мира лежат четыре стихии: огонь, вода, ветер и земля. Они являются началом всему сущему. И так было многие тысячи лет: над безжизненной землей дули ветра страшной силы. Вулканы извергались реками огненной лавы. Воздух был так наполнен водой, что кипел от жара накаленной равнины. В этом безумном мире стихии были перепутаны между собой. Они воевали, пытаясь захватить главенство. И здесь не было места для жизни. Но спустя века пришли Боги. Никто не знает, откуда они появились. И никто не знает, когда они уйдут. Их было четверо: два брата и две сестры. Каждый из них взял под свое покровительство одну стихию, разделив их тем самым, и вражда прекратилась. Старший Бог выбрал воду. Старшая Богиня — землю. Смешав их, они получили первого человека. Немым и глухим оказалось это создание. Боялось оно встать во весь рост, оторвавшись от

прародителей своих, и лишь ползало, как мерзкий червяк. Подошел тогда Младший Бог к нему и выдохнул ветер, который выдул песок из глаз и ушей ничтожества. И увидел человек, что окружающий мир прекрасен. Но величие окружающего мира раздавило его. Стыдился он голову поднять, чтобы оглядеться, потому как считал себя недостойным такой благодати. Тогда Младшая Богиня поцеловала его в уста, подарив огонь безумства и смелости.

— Красивая легенда, — прервала его Эвелина.

— А главное, что никто не может ее опровергнуть, — лукаво усмехнулся Ронни. — Впрочем, как и подтвердить. Но считается, что с тех пор стихии находятся под управлением Богов. А когда божественная семейка ссорится, на мир обрушиваются всевозможные несчастья.

— А как же Судьба? — продолжила расспросы девочка.

— Судьба... А вот про Судьбу совсем все непонятно. Кто-то считает ее Высшим Богом. Кто-то — пятой стихией. А кто-то вообще отказывается в нее верить. Говорят, она властна и над живыми и над мертвыми. И даже над нерожденными. Многие говорят, и ты сама должна выбрать, во что верить.

Эвелина долго молчала, обдумывая услышанное. А Ронни с любопытством за ней наблюдал. Наконец девочка тряхнула головой:

— Вы хотели меня о чем-то просить?

— Маленькая услуга. Проводи меня на кладбище к могилам родителей.

— Хорошо, — после секундного замешательства согласилась девочка. — Но... Это надо идти к пристани. Брать лодку. И там еще идти около часа. Живые не любят общества мертвых. Мы не управимся к сроку.

— Не беда, — с заговорщицким видом наклонился к племяннице Ронни. — В последний день на Лазури мы можем немного пошिकовать.

С этими словами он крепко взял девочку за руку. Мягкое золотистое свечение на миг окружило ребенка, заставив часто-часто заморгать. А потом так же неожиданно растаяло.

Эвелина стояла среди густых кустов и молодых деревьев, которыми зарос противоположный берег соседнего острова. В полумиле от него, девочка знала точно, в океане протянулся широкий скалистый риф, поэтому волны в сезон штормов сюда не доходили. Лишь в особо ненастные дни до кромки суши долетали крупные соленые брызги бьющегося невдалеке прибоя. Именно здесь жители Лазури хоронили умерших. Наверное, когда-нибудь океан слизнет кости мертвецов, освободив их из земляного плена, но пока это было лучшее место для кладбища. В таких делах не принято скупиться.

У самой отвесной скалы покоились родители Эвелины. Девочка потянула Ронни в ту сторону. На островах не принято было делать могилы. На месте погребения высаживали дерево. Если оно гило, то считалось, что душа человека возвращалась в этот мир завершать свое предназначение. Если же дерево умирало от старости — что ж, круг пройден полностью, Боги приняли почившего в свою обитель.

Эвелина с тревогой оглядела молодые веточки — нет ли признаков засыхания. Нет. Листья, правда, уже пожухли, но от холода. Ни намека на то, что родители девочки отвержены и вынуждены начинать все заново.

— Их похоронили рядом? — спросил Ронни.

— Да, — не оборачиваясь ответила Эвелина. — Они любили друг друга. Зачем же разлучать их после смерти?

— Наверное, когда деревья вырастут, их кроны сплетутся, — у мага вдруг дрогнул голос.

— Так и будет, — несколько резко оборвала его девочка.

— Ты любила их?

— Не знаю. Мать своей смертью подарила мне жизнь. А отец... Я его жалела. Но когда он ушел, мне стало по-настоящему больно.

— А я любил твою мать, — неожиданно признался Ронни. — И безумно завидовал брату. По моему мнению, Эльза заслуживала большего, чем ей мог предложить Элдриж. Он ведь был трусом, мой братец. Единственный его смелый поступок — женитьба наперекор семье. Точнее, семьям Пяти Родов. И бегство на острова. Хотя, уверен, это была идея Эльзы. Она всегда отличалась безрассудством. В этом вы похожи.

— Родов? — опешила от обилия информации девочка.

— Не спрашивай, — отмахнулся маг. — У нас еще будет достаточно времени по дороге на материк. Мой корабль уже на подходе. Далеко забралась моя родственнички, без мага больше месяца добираться.

— Присутствие мага как-то влияет на скорость судна? — Эвелина слушала дядю, раскрыв рот.

— Я же сказал, — твердо отшел он все ее дальнейшие вопросы. — У нас будет целая неделя для разговоров. А пока — дай мне попрощаться с родными.

Ронни долго и неподвижно стоял, закрыв глаза. Девочка успела заоченеть на промозгом ветру. К тому же начал накрапывать мелкий дождь. Незаметно подобралась сумерки. В непогоду темнеет рано. Шелестели тихонько листья молодой поросли, перешептываясь о чем-то своем. Где-то рядом утробно рычал океан, словно набираясь смелости перед предстоящим временем всемогущества.

Эвелина спрятала озябшие ладони в карманы теплой накидки. Наверное, колдунья уже ищет их. Но отрывать мага от странного занятия девочка все равно бы не решилась. Она не боялась Ронни. Подсознательно Эвелина понимала, что он никогда не причинит ей вреда по собственной воле. Но девочка в то же время чувствовала, что если ей когда-нибудь придется встать на пути осуществления замыслов мага, он сметет ее. Прихлопнет, как надоевшую муху. И никогда не пожалеет о поступке. Этот человек был над гранью добра и зла, что пугало ребенка. Возле него Эвелина ощущала, как хрупка ее жизнь на самом деле. За внешним спокойствием и насмешливостью карих глаз Ронни таилась не только угроза, но и притягательность бездонной пропасти. Нет, никогда бы Эвелина не хотела стать врагом такого человека.

Наконец маг вздохнул глубоко и повернулся к девочке.

— Нам пора, — констатировал он, вновь беря ребенка за руку.

Миг радужного безумия — и Эвелина с Ронни вернулись в священную рощу. Их уже ждали. Колдунья суетливо расхаживала между островитянами, нетерпеливо поглядывая по сторонам. Завидев чужака, она кинулась к нему:

— Вы опаздываете! — возмущенно воскликнула старуха. — Мы ждем только вас!

— Прошу прощения, — извинился маг и отпустил руку Эвелины. — Начинайте.

Сам праздник девочка запомнила плохо. Хоровод зажженных факелов слепил глаза, от резкого дурманящего запаха благовоний, который оказалось не по силам разогнать даже усиливающимся ветру, жутко разболелась голова. Она все делала машинально, не осознавая. По очереди поклониться жертвенникам. Принести дары. Старшим Богам — цветы и фрукты, Младшим — свежее мясо и домашнее вино.

Эвелине показалось, что маг, до того безучастно стоявший в стороне, оживился, когда

девочка обходила с подношениями алтари. Вроде бы пламя Старшего Бога слегка лизнуло руку ребенка, словно пробуя на вкус. Или это огонь Младшей Богини торжественно зашипел, выплюнув целый столб оранжевых искр в далекое темное небо, когда девочка проходила мимо? Не разобрать.

Тяжело. Гудят усталые ноги, будто целый день без устали отходила, а не сделала маленький кружок по поляне. Ночь шепчет навязчиво в уши: «Отдохни. Приляг. Поспи». Так и клонит в сон. И что-то теплое и сильное легко подхватило Эвелину вверх, укачивая на волнах небытия.

Очнулась девочка на удивление быстро. Будто ткнул кто больно под ребра. Целую минуту ошарашенно вглядывалась во мрак, пытаюсь понять, где она. Разобралась. В домике старой колдуньи на кровати — лежит, заботливо укрытая одеялом. Наверное, пожалел маг уставшую племянницу, перенес с праздника сюда, чтобы отдохнула перед дальней дорогой.

Попыталась было Эвелина опять уснуть. Никак. Беспокойство какое-то жалит изнутри.

Не выдержала девочка. Вскочила, выбежала во двор. Тихо в поселке. Давно спят уставшие островитяне. Успокоилась обычно говорливая Лазурь. Только вдали мелькает огонек. Словно не все факелы после праздника потушили. Туда и бросилась девочка сломя голову. Бежит, а у самой сердце от тревоги заходится.

Успела. У дерева в окружении алтарей стояла на коленях колдунья. А маг, протянув ладонь, на которой плясала маленькая жгучая искорка, заканчивал чертить сложную вязь заклинания. Еще миг — и сомкнутся пальцы Ронни, гася чужую жизнь.

— Нет! — Эвелина сама испугалась, услышав свой крик, настолько незнакомым ей показался голос. Маг с колдуньей одновременно обернулись. Ронни — с неподдельным удивлением, а старая женщина... С разочарованием?

— Старуха права. — В голосе мужчины сквозила легкая уязвленность. — Из тебя действительно получится хороший маг. Я тебя недооценил. Больше не совершу такой ошибки.

Девочка кубарем скатилась в священную рощу. Резво выскочила перед наставницей, загораживая тем самым ее от дяди. Впрочем, тот сам сделал пару шагов назад, развеивая остатки своего колдовства.

— Я не позволю причинить ей вред! — в груди ребенка все клокотало от возмущения. — Как вы посмели!

— Между нами заключен договор, дорогая, — холодно ответил маг. — И я не навязывал его условий твоей учительнице.

— О чем он? — обернулась девочка к колдунье. Та не спешила вставать. Луна, на миг показавшись в разрывах туч, отблеском легла на мокрые от слез морщинистые щеки старухи.

— Зачем ты пришла? — измученно прошептала женщина. — Я так все хорошо продумала. Ты бы проснулась уже на корабле. И никогда бы не узнала правды.

— Рассказывай, старуха, — ободрил колдунью маг, видя, что та замолкла в раздумьях. — Так или иначе, но план твой провалился. А я не желаю выглядеть в глазах племянницы подлым убийцей.

— Рассказывайте, — попросила Эвелина, присаживаясь на песок рядом с наставницей и обнимая ту за плечи. — Пожалуйста.

— Моя милая девочка. — Колдунья прерывисто всхлипнула. — Мы с твоим дядей заключили соглашение. Я дарую тебе имя, он дарует мне смерть. Подожди, не перебивай. Я все объясню. Понимаешь, во все времена проводившие ритуал были наделены пожизненной

властью над своими нареченными. Конечно, правила запрещали пользоваться этой силой во вред. Говорят, Боги страшно наказывают того, кто использует свое положение во благо себе. Поэтому никто и никогда не рискнет проверить это утверждение. Но любой запрет можно обойти. Например, заставить под пытками. Человеческая плоть слаба к боли, особенно если ты рискуешь не своей душой. А Боги милостивы. Они могут и простить не выдержавшего испытания.

— Я не понимаю, — призналась девочка. — Кому может понадобиться мое имя?

— Святая простота, — хищно усмехнулся маг. — Ты подаешь определенные надежды в магии. К тому же некоторые особенности твоего рождения, о которых я расскажу чуть позже, делают твоего нарекателя лакомым кусочком для очень многих людей. Конечно, я бы сумел дать достойный отпор врагам. Но не уверен, что всем. Ведь существуют еще и Высочайшие. А проверять как-то не очень тянет. Поэтому всегда существовал один обычай. Не очень благородный, конечно. Те, кто хотел обеспечить полную безопасность для своих детей, нанимали самых бедных и отчаявшихся простолюдинов. Силы-то для ритуала надо чуть. Можно и самому обычному человеку одолжить. А после дарения имени нарекателя сразу же убивали. Приятно осознавать себя единственным властелином своей судьбы.

— И находились такие, кто соглашался добровольно провести ритуал, зная, что это грозит смертью? — У Эвелины никак не укладывалось в голове происходящее. — Но почему?

— Желаящих всегда было море, — пожал плечами Ронни. — Кто-то шел на это, чтобы обеспечить семью. Кто-то — чтобы маги излечили любимого человека. Да мало ли. Своей жизнью жертвовать легко.

— Но почему она должна умереть? — закричала девочка в лицо магу. — Неужто найдутся желающие разыскать ее на Лазури только из-за моего имени?

— Найдутся, Эвелина, еще как найдутся, — махнул рукой Ронни. — Ты принадлежишь очень могущественной семье. А Лазурь не так уж и далеко от столицы. Особенно для магов.

— Все равно я не позволю, — упрямо произнесла Эвелина и сжала кулаки. — Я лучше останусь тут. И буду защищать ее до последней капли крови.

— Узнаю кровь великого рода Дария, — произнес маг с досадой. — Уж не думаешь ли ты перечить мне, солнышко? Ведь я могу и примерно наказать тебя за непочтение к старшим.

Повисло напряженное молчание. Эвелина с испугом ощутила, как на нее напал непонятное оцепенение. Будто неведомый аккуратно и умело выкручивал ей руки за спину. А ведь Ронни пока даже не повысил голоса.

— Хватит! — В глазах Эвелины полыхнуло красное зарево бешенства. Это помогло, но не надолго.

Маг лишь чуток приподнял бровь, как на девочку обрушилось давление в стократ сильнее. Она чуть слышно застонала сквозь сжатые до боли зубы.

— Прекратите! — Властный приказ колдуньи заставил Ронни отпустить ребенка из невидимых тисков. Эвелина с облегчением выдохнула. В этом поединке ей не суждено было стать победителем.

Старуха подковыляла к спорящим ближе. Положила девочке на плечо руку.

— Доченька моя, — начала она и замолкла, словно подбирая слова. Потом, откашлявшись, продолжила: — Пойми, он прав. К тому же смерть будет для меня избавлением. Я была в твоём возрасте, когда меня отправили учиться. Прилежность не помогла мне добиться больших успехов. Потом меня определили на Лазурь. Совет

Высочайших решил, что маленькому архипелагу не нужен сильный маг. В чем-то они были правы. Совет не учел только одного: эпидемии черной лихорадки, которую сюда завезли на торговом судне. Это страшная болезнь, от которой гниют заживо. Выживают единицы, да и тех предпочитают сжигать живьем, чтобы не рисковать здоровьем остальных. Я молилась. Я много молилась, чтобы болезнь сгинула. Пустое. Люди погибали один за другим. Достаточно опытный маг мог бы прекратить распространение эпидемии, наверное, мог бы и вылечить обреченных. Но я обычная травница, и выше своей головы мне не прыгнуть.

Колдунья опустила голову и глухо произнесла:

— Я принесла истинное, и даже мирское, имя в жертву Старшей Богине, чтобы она даровала мне искусство исцеления.

— И что? — Эвелина не понимала, куда клонит старая женщина.

— Я спасла островитян и стала их оберегом, — грустно продолжила колдунья. — Но у меня нет права умереть, пока моя ноша при мне. А Совет не торопится слать сюда молодых колдунов. Ронни обещал, что не оставит островитян одних. И я ему верю. Только ему здесь под силу освободить меня. Пойми, девочка моя, я живу уже больше века. И я устала. Очень устала. Боги даруют мне новую жизнь, но сначала — позволь мне уйти, умоляю.

Девочка молчала. Молчал и маг. Мир замер в ожидании решения.

— Ей не будет больно? — сдавленно спросила Эвелина. Маг покачал головой.

— Хорошо, — оцарапало горло слово.

— Подожди меня на берегу, — попросил Ронни. — Это не займет много времени.

Девочка крепко зажмурилась. Невыплаканные слезы жгли веки огнем. На миг уткнувшись в грудь колдуньи, почувствовав на волосах ласку ее дряблой руки, Эвелина отвернулась и пошла прочь. И ей хватило сил не обернуться.

Девочка плохо запомнила путь на побережье. Горе застилало ей глаза, мешало сосредоточиться. Больше всего на свете ей хотелось сейчас опять оказаться в домике колдуньи. Пусть за окном лил бы дождь, а в камине уютно потрескивали дрова. И она, пригревшись под пушистой вязаной шалью, с удовольствием слушала бы в сотый раз немудреные рассказы наставницы. Холодный пот прошиб девочку. Она вспомнила, что ни разу не сказала колдунье, как та ей дорога. Ни разу не отблагодарила за помощь. Ни разу... А теперь уже поздно.

На востоке занималась заря. Край небес подернулся красным заревом. Бледнели звезды, привычно умирая в агонии рассвета. Девочка ждала.

Неслышно подошел Ронни. Молча постоял около Эвелины, которая сидела, обхватив себя руками, на огромном валуне. Потом, немного подумав, присел рядом. Набегающие волны с тихим шуршанием захлестывали босые ноги девочки.

— Ты простудишься, — наконец нарушил тишину маг.

— Мне все равно, — ответила племянница.

— Нам пора. — С этими словами мужчина встал. Затем, резко развернувшись, бросил в пространство перед собой несколько певучих слов и взмахнул рукой. С его пальцев посыпались разноцветные искры, которые услужливо подхватил ветер и закружил в хороводе над островом.

— Что это? — помимо воли заинтересовалась Эвелина.

— Я обещал, что позабочусь о твоих земляках, — улыбнулся маг. — Пусть даже они и не заслуживают этого. Я благословляю Лазурь. Островитянам, без сомнения, придется тяжело следующие полгода, пока не пройдет сезон штормов и к ним не прибудет новый хранитель.

Но они пройдут через это испытание без потерь.

Очередной порыв крепчающего ветра принес непонятный звук. Будто кто-то выбивал рядом огромный половик, а тот недовольно трещал по швам и грозил порваться совсем. Шум растущего шквала все приближался. Эвелина открыла от удивления рот. Маленькая белая точка, маячившая до того на горизонте, на глазах выростала. На всех парусах в бухту Лазури спешила изящная каравелла.

— Наконец-то, — прошептал Ронни. Протянув Эвелине руку, маг открыл перед собой золотистый провал телепорта.

Часть вторая

Интриги Двора

Девочка нежилась под огромным пуховым одеялом. Вставать не хотелось. Даже глаза открыть было лень. Благо никто не торопит с пробуждением. Тихо на корабле. Слишком рано.

В каюту через мутное, толстое стекло иллюминаторов пыталось пробиться неяркое рассветное солнце. Ему лишь чуть-чуть удалось разогнать ночную мглу, затаившуюся в углах небольшого помещения. Эвелина хмыкнула: она даже толком не запомнила вчера, куда именно ее поселили. Да и вообще церемония встречи их с Ронни на корабле слилась для девочки в шумное бестолковое мельтешение незнакомых лиц и гул неразборчивых восклицаний. Маг-то моментально повеселел, стоило ему только вступить в свой кабинет. Он будто сразу стал выше ростом. Плечи распрямил, все свое радушие окончательно скинул. Девочку продрал мороз по коже, когда Ронни как-то по-новому, оценивающе на нее взглянул. Впрочем, он быстро отвлекся на невзрачного вида юнгу, пришедшего с докладом. Девочка, уставившись взглядом в пол, равнодушно наблюдала, как с ее мокрых ног стекают капельки жидкой грязи на светлый пушистый ковер. Только сейчас она поняла, как замерзла. Ронни тем временем раздавал сухие четкие указания. Вокруг засуетились люди. Эвелина хотела было отойти куда-нибудь в сторону, чтобы не мешаться, но была остановлена резким окриком мага.

— Стоять! — Ронни смягчил тон приказа радушной улыбкой. — Дорогая, ты и так мне всю обстановку испачкала, а теперь хочешь наследить еще сильнее.

Эвелина смущенно опустила голову. У нее под ногами хлюпало настоящее маленькое болотце. Интересно, как это дяде удалось остаться чистым? Вон даже плащ не замарал в песке, хотя его длинные полы разлетались в стороны от малейшего движения мага. Жутко, должно быть, неудобно.

Будто прочитав мысли племянницы, Ронни одним ловким движением руки отстегнул замысловатую серебряную застежку около горла и небрежно откинул плащ в сторону. Затем удобно уселся в кресло, мимоходом засучив рукава рубашки.

— Устала? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — У нас будет время пообщаться. А пока я передаю тебя в руки Заре. Отдыхай. Понадобишься — сам вызову.

Вперед, смешно семеня косолапыми коротенькими ножками, выступила маленького роста пожилая женщина с необычайно добрыми карими глазами.

— Ох, какую малютку вы привезли, — запричитала она. — Да она, бедняга, окоченела вся. В таких обносках, да при такой погоде...

— Вот и займись, — несколько грубо прервал ее маг и, ехидно улыбнувшись, почти попросил: — Только лишнего не болтай. Не абы кто она: племянница мне.

Если служанка и удивилась, то скрыла это.

— Пойдем, детонька, — пряча странную усмешку в уголках губ, сказала она, уводя Эвелину в подсобное помещение.

[Купить полную версию книги](#)